

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Vědecký a praktický časopis

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

№ 4 2016

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. **Irina S. Karabulatova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie)

Mezinárodní redakční rada

doc. **Zoya N. Afinskaya**, CSc. (docent v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Zohidjon M. Islamov**, Ph.D. (Tashkent, Uzbekistan)
prof. **Svetlana V. Kezina**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)
prof. **Irina V. Moklecova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Vasilij V. Lipič**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Belgorod, Rusko)
prof. **Albina M. Sayapova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Kazan, Rusko)
prof. **Elena N. Serdobinceva**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

VYDAVATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Scientific and practical journal

PHILOLOGICAL KNOWLEDGES

№ 4 2016

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Philological Sciences, professor
Irina S. Karabulatova

International editorial board

Zoya N. Afinskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Moscow, Russia)

Zohidjon M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan)

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

Irina V. Mokletsova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, professor (Belgorod, Russia)

Albina M. Sayapova, Doctor of Philological Sciences, professor (Kazan, Russia)

Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

VYDAVATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.

OBSAH

Итоги первого года журнала «Filologické vedomosti» как отражение бытия Слова в современном электронно-информационном обществе	9
---	---

LINGVISTIKA A INTERKULTURNÍ KOMUNIKACE

Matveeva E. The meaning of the terms ‘prosody’ and ‘intonation’ in the English phonetic terminology	12
Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Дефисные сочетания как способ образования неузуальных слов в художественном и публицистическом тексте	21
Ефимова С. К., Софронова А. Н. Языковая реализация коммуникативных стратегий японского рекламного дискурса на примере писем-рассылок	25
Кузьмина Р. П. Особенности функционирования числительных в нижнеколымском и верхнеколымском говорах эвенского языка	30
Трифорова И. С. Метод моделирования в современной терминологии	34

LITERATURA A FOLKLÓR

Guliyeva S. The Azerbaijani model of the multiculturalism and the role of the literary thought in its formation	40
Егиазарян Г. В. Концепция дома в романе А. Картер «Любовь»	48

METODY VÝUKY FILOLOGICKÝCH VĚD

Вершинина О. Н., Кравченко М. Н.

Приемы работы с текстом на уроках английского языка.....53

Вострякова Н. А.

Обучение конспектированию печатного текста с учётом взаимосвязи видов речевой деятельности (на материале профессионально ориентированного учебно-научного текста «Языкознание и его роль в жизни человека»)58

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016–2017 годах.....64

Информация о научных журналах66

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....67

CONTENTS

Results of the first year of the journal «Philological knowledges»
as a reflection of the Word of life in today's electronic-information society9

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Matveeva E.

The meaning of the terms 'prosody' and 'intonation'
in the English phonetic terminology 12

Gatsalova L., Parsieva L.

Define combination as a way of education not usual words in literary
and journalistic texts 21

Efimova S. K., Sofronova A. N.

Communication strategies of the Japanese advertising discourse
in the mailing letters 25

Kuzmina R.

Features of functioning of numerals
in Nizhnekolymskiy and Verkhnekolymskiy dialects of the Even language..... 30

Trifonova I. S.

The modeling method in modern terminography 34

LITERATURE AND FOLKLORE

Guliyeva S.

The Azerbaijani model of the multiculturalism and the role
of the literary thought in its formation..... 40

Yeghiazaryan G. V.

The concept of home in love by A. Carter 48

METHODS OF TEACHING OF PHILOLOGICAL SCIENCES

Vershinina O. N., Kravchenko M. N.

Methods used during reading texts at the lessons of English.....53

Vostriakova N. A.

Training notes printed text taking into account the interrelations kinds of speech activity (based on professionally oriented educational and scientific text “Linguistics and its role in human life”)58

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2016–2017.....64

Information about scientific journals66

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»67

ИТОГИ ПЕРВОГО ГОДА ЖУРНАЛА «FILOLOGICKÉ VEDOMOSTI» КАК ОТРАЖЕНИЕ БЫТИЯ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ ЭЛЕКТРОННО-ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Вот и закончился наш первый год, за который мы все выросли. Вдохновлял и вдохновляет тот научный поиск, заставляющий искать новые пути решения гуманитарных задач. Социосфера нашего журнала вовлекала и вовлекает все новые и новые пытливые умы исследователей. Коммуникативные регистры филологического общения, дискурсы современной жизни, как профессиональной, так и обыденной, были и остаются в фокусе внимания наших исследователей. Расширилась и география наших авторов, что также не может не радовать.

Авторы поднимают новые методологические проблемы концепции принятия государственных решений в сфере языка и культуры. Литературное творчество как новое пространство осмысления современных реалий достаточно мощно анализируется в работах наших авторов. Социальная идентичность особым образом проявляется в эпоху социальных потрясений, крупных общественных перемен, что наглядно отражено в аналитических работах по различным видам дискурса. Трансформация современного общества по пути преодоления последствий советской этнополитической и социокультурной моделей в их различных проявлениях как на социальном уровне, так и на уровне повседневности людей и широкого внедрения рыночных отношений затрагивает все пласты социальной жизни, институциональные формы социальности, векторы социального развития, что находит свое отражение и на уровне языка и речи.

Социокультурные противоречия, социальная вариативность современного мира, неопределенность социальных ситуаций, многообразие принципов организации социальных общностей, видов деятельности, социальных ролей и групповых норм, противоречивые аспекты взаимовлияния разных культур отражаются в самосознании различных групп населения, что дает возможность изучения новых сфер специалистами в области филологии. Сегодня мы видим востребованность филологов в современном обществе в силу того, что само общество перешло на новую ступень развития – информационно-электронную, где Слово возвращается к тому изначальному библейскому истоку. Под влиянием электронно-информационного общества происходит стирание устоявшихся культурных границ и ценностей социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе – кризис идентичности наблюдается не только на уровне самосознания отдельной личности, но и в рамках поколений. Сегодня исследователи признают, что сеть Интернет является главным инструментом распространения радикальной идеоло-

гии¹. В работах современных исследователей высказываются идеи о соотношении политического и неполитического, об их взаимном влиянии как в плане реальной политической жизни, так и в сфере специальных научных исследований². В последнее время появился интерес к политическому экстремизму и у онлайн-средств массовой информации³.

Главный тезис культурного релятивизма звучит, как «все культуры разные, но они равны», постулируя понимание равноценности для цивилизации любых культур, ценностей и традиций. Искажение принципов культурного релятивизма является основной причиной появления отрицательных стереотипов и установок, негативных предубеждений и предрассудков по отношению к представителям другой этнокультуры.

Поливариативность и многокомпонентность современного электронно-информационного пространства обязывает нас анализировать вербально-паравербальные компоненты любого сообщения в связи с этносоциокультурным шоком обеих сторон, задействованных в коммуникативных потоках, что может актуализировать этносоциальнофункциональные расхождения в коммуникативной компетенции и архитектонике личности.

Сама глобализация в электронно-информационном обществе выступает как полиаспектный и многоуровневый процесс, базирующийся на согласованности средств создания и передачи информации, которые консолидируют общие стремления для формирования первоначально и качественно новой стадии информационного влияния на социум⁴. Так возникает эффект голографической картинки, существенно воздействующей на реальные процессы в обществе, трансформируя их в той или иной степени.

Нельзя не согласиться с Хофстедом, что различная степень дистанции в различных культурах качественно определяет успех в межкультурной коммуникации. Так, он обоснованно утверждает, что в социальных организациях культур с высокой дистанцией преобладает жесткий стиль управления; подчиненные испытывают самодовлеющий страх перед руковод-

¹ См.: Чурилов С. А., Быкодорова А. С. О противодействии распространению и профилактике радикальных технологий в молодежной среде и сети Интернет // Обзор: НЦПТИ, 2016, Вып. 8. – С. 39–42.

² См.: Ermakova E., Jilkisheva M., Fayzullina G., Karabulatova I., Shagbanova Kh. The media end fiction: postmodernist discourse of contemporary terrorism in the context of apocalyptic rhetoric // Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. Vol. 17, Issue 2, 2016. – pp. 61–69.

³ См.: Лашин Р. Л., Чурилов С. А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет и образовательной среде // Обзор: НЦПТИ. – 2016. – № 7. – С. 34–39; Замолокин А. А. Экстремизм как социальная болезнь // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 229–232.

⁴ См.: Tahmasebi P., Hezarkhani A., Sahimi M., Multiple-point geostatistical modeling based on the cross-correlation functions, Computational Geosciences. – Vol. 16. – Issue 3. – 2012. – pp. 779–797.

ством, равно как и страх потери доверия сослуживцев при сопоставлении с культурами с низкой дистанцией власти¹.

Каждая эпоха открывает все новые возможности и поля для исследований. Наш дружный коллектив надеется, что наступающий год подарит нам новые филологические исследования, позволяющие совершить настоящий прорыв в науке.

И. С. Карабулатова

¹ См.: *Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*, Thousand Oaks CA: Sage Publications. – Vol. 2. – 2001. – pp. 616.

UDC 81'276.6:81'342.9

THE MEANING OF THE TERMS 'PROSODY' AND 'INTONATION'
IN THE ENGLISH PHONETIC TERMINOLOGY

E. Matveeva

*Candidate of Pedagogical Sciences
assistant professor
Moscow City University,
Moscow, Russia*

Abstract. Since phonetic terms 'prosody' and 'intonation' are used interchangeably by many authors, this article explores the terms' semantics and function by means of analysing various specialised English texts (linguistic articles and dictionary entries). The component analysis results point out that 'prosody' is used in most cases to denote pause, stress and rhythm, while 'intonation' more often covers melody, syllabic characteristics, loudness and timbre. The analysis of English specialised texts demonstrates that 'prosody' has broader semantics: it either includes intonation itself or some of its components (stress, tone and others), thus making the two terms only conditional synonyms with overlapping semantic structures.

Keywords: term; phonetic terminology; language for specific purposes (LSP); prosody; intonation.

The focus of this research is on the English phonetic terms 'prosody' and 'intonation', which are sometimes used as absolute synonyms in phonetic discourse. It does not only cause misunderstanding among phoneticians worldwide, but it can also lead to entanglement in the practices of teaching phonetics to students of various languages. Notwithstanding the fact that these specialized lexical units are used interchangeably by various authors, the terms 'intonation' and 'prosody' have different semantic structures, the latter being broader in meaning, and different functional parameters, as 'prosody' can be used to describe metrical characteristics in poetry. This article therefore

aims to research their meanings and to determine to which degree these lexemes coincide in meaning and function in specialised contexts.

Following the recent study of the two notions in the Russian tradition (conducted by M. V. Belorukova and owing to the lack of academic research aimed at analyzing the semantic aspect of the terms 'intonation' and 'prosody' in English, the significance of differentiating between these two notions and corresponding terms is determined by the need to standardise the phonetic terminology as well as to make professional discourse easier.

Although linguistic terminology in general – and phonetic terminology in

particular – have become the first object of various types of research since the rise of the terminological science in the 1930s, there still remain some issues connected with the functional and semantic features of linguistic terms that require further study. The terms ‘prosody’ and ‘intonation’ and the corresponding phonetic notions, for example, have been subjected to numerous studies in the Russian linguistic tradition: M. V. Belorukova, in *Intonation and Prosody: Similarities and Differences* [12], claims that there exist two opposite views on this problem: some scientists make no differentiation between the terms in question, thus treating them as complete synonyms, while the others point out certain differences in their meaning and perceive them only as conditional synonyms.

For instance, in *The Basics of General Phonetics*, such Russian phoneticians as L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya and M. V. Gordina state that the Russian terms ‘prosody’ and ‘intonation’ are equal and interchangeable in professional phonetic discourse [13].

A number of substantial differences in the meanings of the two terms are nevertheless pointed out by A. M. Antipova, R. K. Potapova, N. D. Svetozarova and others. For example, N. D. Svetozarova, in *The Intonation System of the Russian Language* [20], formulates the distinctive feature of the two terms: the lexeme ‘prosody’ refers to any supersegmental units organizing syllables, phrases, etc., while the term ‘intonation’ is only referred to the type of organization of larger units like syntagmas and sentences. The phonetic

unit being the criterion of this differentiation, it becomes clear that the terminological meanings of the Russian lexemes ‘prosody’ and ‘intonation’, according to N. D. Svetozarova, overlap and coincide only partially, therefore making the two lexemes conditional synonyms.

Although the research conducted by M. V. Belorukova presents a certain value in distinguishing between the two phonetic notions, the sources analysed are confined only to Russian phonetic academia, leaving the view on the notions ‘prosody’ and ‘intonation’ from the English linguistic perspective unspecified. The objective of this research, thereby, lies in analyzing the meanings of the two terms in the English professional discourse, both in specialised dictionaries and academic articles devoted to the language for specific purposes of phonetics.

Professional communication, in various industries as well as the sciences, is made efficient through the system of special lexical means – terms which have only one meaning in the field in question. However, there arises the problem of synonymy among terms, which can lead to certain difficulties in specialised (professional) communication, since it is not clear whether these terms have equal meanings and can replace one another in specialised texts.

As shown in recent research, studying languages for specific purposes takes into consideration the functional styles’ peculiarities [15]. Thus, one cannot but agree with K. Ya. Averbukh [11] that language for general purposes is realised in conversational,

public policy and artistic style, whereas languages for specific purposes (LSP) are used in the scientific style, the style of production and technology, and official functional variations.

In accordance with the three latter styles to which LSP is confined, L. A. Manerko states that lexemes and word combinations (mainly terms) used in this or that LSP play the role of a storage form and as a means of imparting knowledge, since their aim consists in covering strictly defined parts of human cognition and in serving as a way of nomination [17]. The author's idea is thereby to emphasize not only the function of terminological units, but also to point out their nominative and definitive character.

Due to its complex nature there are a lot of various definitions of the 'term' in contemporary linguistics. For the purposes of the research in question the definition given by S. V. Grinev-Grinevich has been adopted: 'a term is a nominative specialised lexical unit (a word or a word combination) accepted to nominate notions in a precise way' [16, p. 30]. Hence, according to the author, the monosemantic character of a term serves as one of the criteria and requirements for terminological units.

In accordance with the triangle of meaning, synonyms in general linguistics are considered to be 'words nominating one and the same object but referring to different notions' [19, p. 97], that is why the existence of lexemes with synonymous meaning in terminologies is viewed by many linguists as a discrepancy between the terms themselves and the notions they designate [16]. In this case the vagueness in

the correlation between a particular notion and its verbal realisation (a term) in an LSP becomes evident.

Despite the requirements for terms to be monosemantic, the terminological units with equal (absolute synonyms) or similar meanings (conditional synonyms) [16, p. 105] can be observed in various terminological systems in different branches of science and technology. So is, for instance, the situation with the phonetic terms examined in the current research ('intonation' and 'prosody'): inasmuch as their meanings coincide only partially, they can be termed conditional synonyms.

It would be natural to presuppose that the situation observed in the Russian phonetic terminology (concerning 'prosody' and 'intonation') is analogous to the one in the English phonetic LSP, since the two terms were borrowed into Russian professional discourse from English. Nonetheless, there are no academic essays devoted specifically to investigating the meaning of English terms 'prosody' and 'intonation'. Furthermore, it is worth mentioning that there is no unanimity among English authors as for the use of the terms under examination in specialised phonetic discourse, which therefore causes the need to study their semantics and the way the terms function in modern specialised texts on phonetics.

The edited collection, *Above and Beyond Segments: Experimental Linguistics and Phonetics* (eds. Caspers et al., 2014), provides valuable analyses of the way the lexemes "prosody" and "intonation" function in contemporary professional discourse. Some articles in the collection are devoted specifically to prosody and intonation issues,

which is of primary importance for the present research.

A. Cutler and J. M. McQueen, in *How Prosody is Both Mandatory and Optional*, [2, pp. 71–82], for instance, emphasize that prosody is an obligatory characteristic of speech, be it a native or a non-native speaker, and focus their attention on stress in lexical units perceived by language learners. The terms ‘prosody’ and ‘intonation’ are viewed as being synonymous and interchangeable in the given context.

Y. Gu and A. Chen in the article *Information Status and L2 Prosody: A Study of Reference Maintenance in Chinese Learners of Dutch* [2, pp. 120–130] do not point out any principal differences between the terms ‘intonation’ and ‘prosody’ using them as absolute synonyms (‘L2 prosody’ = ‘L2 intonation’), whose meaning include duration and pitch.

B. Hoff, in *The Primacy of the Weak in Carib Prosody* [2, pp. 144–151], applies the term prosody in the original sense related to metric characteristics of verse. This paper does not provide any information on the interrelation of the terms in question, since the term ‘intonation’ has not been applied by the author. This fact can serve as an indirect proof of the fact that the two terms under examination are different at least in their area of use: the term ‘prosody’ can be used in various contexts related to poetry (metrics, namely), while in many of them the lexeme ‘intonation’ cannot be found.

Further research into the two terms’ functional peculiarities conducted by means of linguistic articles databases *Google Scholar* (scholar.google.ru)

and *Project MUSE* (muse.jhu.edu) has produced valuable results. 48 linguistic articles, article reviews and academic papers published since 2000 have been examined from the standpoint of what meaning ‘intonation’ and ‘prosody’ had in them. Only 6 (13 %) articles devoted to *prosody* issues [7; 9] deal with poetry – one article studying *intonation* of prose [6; 8]. In four academic pieces (8 %) prosody was connected with syntactical sentence peculiarities [7; 9]. That is why it is possible to state that the term ‘prosody’ is often used peculiarly in poetic contexts to cover metrical characteristics.

Semantically, in 9 papers (18.7 %) the two terms are used as absolute synonyms, while in 4 items (8 %) ‘prosody’ includes ‘intonation’, making the former broader in meaning. The opposite situation (when ‘intonation’ is a wider notion and it includes ‘prosody’) can be observed in 3 (6 %) linguistic articles [6; 7; 8; 9].

The component semantic analysis of the terms ‘prosody’ and ‘intonation’ used in the linguistic material obtained from *Google Scholar* and *Project Muse* databases includes the following suprasegmental features: pitch and melody (tone / tune); pause / pausing; stress / accent; syllable characteristics; rhythm; loudness; rate / tempo; duration; timbre; elision. The results of this analysis can be presented in the form of a diagram (see *figure 1*).

Figure 1, therefore, shows that the term ‘prosody’ is used in most cases to denote *pause, stress / accent, rhythm, rate / tempo, duration*. It should be noted here that ‘prosody’ can be used to denote elision and other sound peculiarities [7; 9].

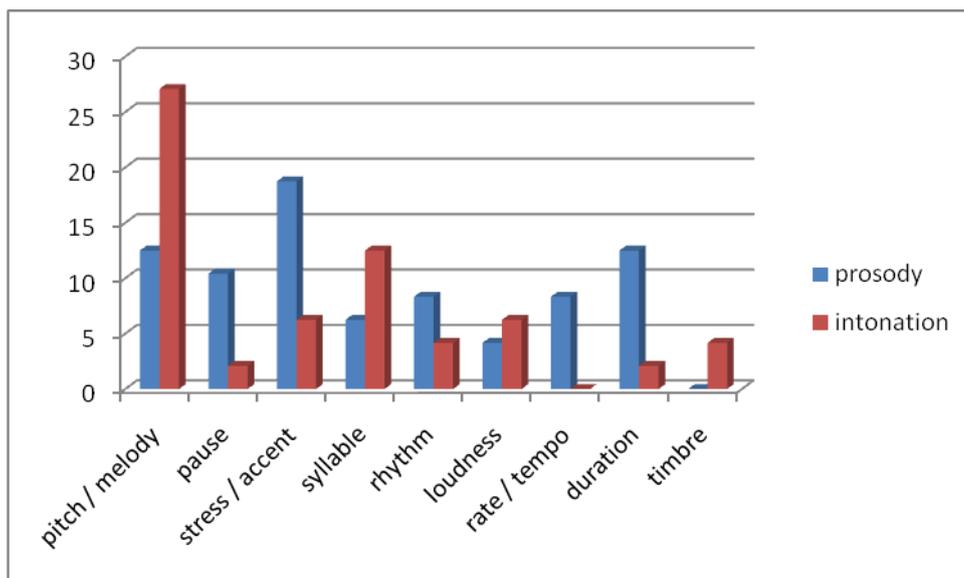

Fig. 1 – The correlation of supersegmental features included in the semantic structure of the terms ‘prosody’ and ‘intonation’ (% of the linguistic papers)

The term ‘intonation’, on the other hand, more often denotes *pitch / melody*, *syllabic characteristics*, *loudness* and *timbre*, the latter statistics only slightly exceeding the corresponding ones for ‘prosody’ [6; 8].

The research showing that the terms ‘intonation’ and ‘prosody’ are used interchangeably by many authors, but many supersegmental features included in their semantics overlap (as shown in *figure 1*). Therefore it becomes evident that there is a certain difference between the two lexemes (both in function and meaning), and it is worth engaging the historical information about their terminological development.

Examining the initial sense of the term ‘prosody’ introduced by J. R. Firth and reflected in his article *Sounds and Prosodies* [5] may reveal the terminological meaning enclosed by the author and founder of the Lon-

don Phonetic School. In his research J. R. Firth did not focus his attention on phonemes but on prosodies as characteristics of interphonemic and inter-syllabic connection.

According to J. R. Firth, the word ‘prosody’ comes from Greek, where it referred to hard and smooth breathing. The following prosodic features were pointed out by the author:

- the number of syllables;
- syllable structure (open / close);
- syllabic units;
- the sequence of consonants;
- the sequence of vowels;
- the stressed syllable position, nature and characteristics;
- dark / light syllable character [5, p. 129].

J. R. Firth claimed that stress, length, nasalisation, aspiration, tone, voicedness, palatalisation, specific

sounds of a language, synharmonism constitute prosody [18, pp. 264–265], [4, p. 13], which only partially coincides with the meaning of ‘intonation’ as a range of suprasegmental characteristics (tone, rhythm, tempo, etc.). So, the two terms coincide only partially in meaning and are treated as conditional synonyms.

After revealing the historic meaning of the lexeme ‘prosody’ and the interrelation of the phonetic terms ‘prosody’ and ‘intonation’, it is significant to examine some classical papers on supersegmental units, such as *Prosodic Systems and Intonation in English* by D. Crystal [4], whose main focus is the methodological problem of teaching intonation to students learning English as a second language. The book does not differentiate between the two terms in question – on the contrary, they are used as lexemes with almost equal meaning: for instance, ‘intonation is viewed as a product of conflation of different prosodic systems of pitch contrasts’ (the semantic structure of the one being an integral part of the other). The author, later on, points out two main uses of the term ‘prosody’ – the general one (‘the general senses of melody and metrical structure’) and the one found specifically within the context of supersegmental theory [4, pp. 61–62].

In his later work – *A Dictionary of Linguistics and Phonetics* (2008) – D. Crystal includes pitch and melody in the terminological meaning of ‘intonation’, while the lexeme ‘prosody’ is used to refer to ‘variations in pitch, loudness, tempo and rhythm’ [3, p. 252, 393]. Thus, the meanings of the two

terms overlap, and, moreover, the lexeme ‘prosody’ has broader semantics.

To further examine the modern meaning of the terms ‘prosody’ and ‘intonation’ it is essential to analyse entries in English language dictionaries both for general and specific purposes. Thus, the Oxford English Dictionary [1] gives the following definition of the lexeme ‘prosody’:

(in the theories of J. R. Firth and his followers): a phonological feature having as its domain more than one segment. Prosodies include the class of ‘suprasegmental’ features such as *intonation*, *stress*, and *juncture*, but also some features which are regarded as ‘segmental’ in phonemic theory, e.g. *palatalization*, *lip-rounding*, *nasalization*.

The word ‘intonation’ in its terminological meaning is defined in the Oxford English Dictionary as ‘a manner of utterance of the tones of the voice in speaking; modulation of the voice; accent’ [1]. Consequently, the term ‘prosody’ has a broader meaning, including the ‘intonation’ semantics as well as some phonemic parameters.

The Oxford English Dictionary, though being one of the most reliable sources of information concerning English vocabulary, cannot present the fullest data about some specific lexemes. The group of English language dictionaries for specific purposes can be represented by the *Dictionary of Phonology and Phonetics* by R. L. Trask [10], which reveals the meaning and functional aspects of various phonetic terms.

It defines intonation as ‘the use of pitch, and possibly of additional prosodic phenomena such as loudness, tempo and pauses, over a stretch of utterance generally longer than a single word for the purpose of conveying meaning’ [10, p. 184]. Besides it gives several definitions of the term ‘prosody’:

1. The study of stress, pitch and intonation.

2. A phonological element which is realized phonetically on more than one segment, including for example (in certain circumstances in certain languages) lip-rounding, backness or nasalization.

3. A phonological element which can only be described with reference to a domain longer than a single segment, including all those mentioned in sense 2 and also suprasegmental elements like stress and tone [10, p. 295].

Firstly, the meanings analyzed demonstrate that the term ‘intonation’ has a narrower meaning and the corresponding notion is included in the broader concept – ‘prosody’. Secondly, the analysis reveals a certain polysemantic character of the latter: it refers to suprasegmental units, sometimes including stress and tone, which makes the two notions (‘prosody’ and ‘intonation’) overlap.

On conducting the analysis of English specialised texts on phonetics (both academic articles and monographs), as well as reference books, important results have been obtained concerning the meaning of the terms ‘prosody’ and ‘intonation’ in the English language. It is clear that these two terminological units are not fully syn-

onymous, although they are sometimes used interchangeably in contemporary phonetic discourse. The meaning of the lexeme ‘prosody’ is broader: it either includes intonation itself or some of its components (stress, tone and others).

Furthermore, the research has provided valuable results demonstrating that the term ‘prosody’ has at least two meanings: the general one including supersegmental characteristics (stress, tone, pitch, etc.) and the sense used specifically by the followers of J. R. Firth’s theory (suprasegmental features and segmental features like labialisation, lip-rounding, etc.). It should be noted here that the latter meaning is represented in the plural form of the term ‘prosodies’, and therefore it is advisable that care be taken when applying the terms in question in professional phonetic discourse and when translating specialised texts into other languages.

Bibliography

1. Burchfield R. W., Quirk R., Aitken A. J., Allsopp S. R. R., Amos A. C., Branford W., ... and Wells J. C. The Oxford English Dictionary [computer software]. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
2. Caspers J., Chen Y., Heeren W., Pacilly J. and van Zanten E. (Eds). Above and beyond Segments: Experimental Linguistics and Phonetics. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2014. – 375 p.
3. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – London: Blackwell Publishing, 2008. – 533 p.
4. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 370 p.

5. Firth J. R. Sounds and prosodies // Transactions of the Philological Society. – 1948. – P. 127–152.
6. Google Scholar: intonation. – [Internet resource]. – Access code: https://scholar.google.ru/scholar?hl=en&q=intonation&btnG=&as_sdt=1%2C5&as_sdtp
7. Google Scholar: prosody. – [Internet resource]. – Access code: https://scholar.google.ru/scholar?q=prosody&btnG=&hl=en&as_sdt=0%2C5
8. Project Muse: intonation. – [Internet resource]. – Access code: http://muse.jhu.edu/results?searchtype=regular&search_term=intonation&filtered_content=content&x=0&y=0
9. Project Muse: prosody. – [Internet resource]. – Access code: http://muse.jhu.edu/results?searchtype=regular&search_term=prosody&filtered_content=content&x=0&y=0
10. Trask R. L. Dictionary of Phonetics and Phonology. – Amsterdam: Routledge, 1996. – 448 p.
11. Авербух К. Я. Общая теория термина. – М. : МГОУ, 2006. – 252 с.
12. Белорукова М. В. Интонация и просодия: сходства и различия // Новости научного прогресса. – 2011. – № 3. – С. 6–8.
13. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. – СПб : СПбГУ, 1991. – 154 с.
14. Гаврилова Ю. В. Лондонская лингвистическая школа и концепция Джона Руперта Фёрта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. : МГОУ, 2010. – 21 с.
15. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения: вопросы методологии. – М. : URSS, 2013. – 280 с.
16. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
17. Манерко Л. А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP. – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – С. 207–221.
18. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История науки о языке. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 376 с.
19. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М. : Аспект-Пресс, 2005. – 536 с.
20. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 176 с.

Bibliography

1. Burchfield R. W., Quirk R., Aitken A. J., Allsopp S. R. R., Amos A. C., Branford W., ... and Wells J. C. The Oxford English Dictionary [computer software]. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
2. Caspers J., Chen Y., Heeren W., Pacilly J. and van Zanten E. (Eds). Above and beyond Segments: Experimental Linguistics and Phonetics. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2014. – 375 p.
3. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – London: Blackwell Publishing, 2008. – 533 p.
4. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 370 p.
5. Firth J. R. Sounds and prosodies // Transactions of the Philological Society. – 1948. – P. 127–152.
6. Google Scholar: intonation. – [Internet resource]. – Access code: https://scholar.google.ru/scholar?hl=en&q=intonation&btnG=&as_sdt=1%2C5&as_sdtp
7. Google Scholar: prosody. – [Internet resource]. – Access code: https://scholar.google.ru/scholar?q=prosody&btnG=&hl=en&as_sdt=0%2C5
8. Project Muse: intonation. – [Internet resource]. – Access code: http://muse.jhu.edu/results?searchtype=regular&search_term=intonation&filtered_content=content&x=0&y=0
9. Project Muse: prosody. – [Internet resource]. – Access code: http://muse.jhu.edu/results?searchtype=regular&search_term=prosody&filtered_content=content&x=0&y=0

- lar&search_term=prosody&filtered_content=content&x=0&y=0
10. Trask R. L. Dictionary of Phonetics and Phonology. – Amsterdam: Routledge, 1996. – 448 p.
 11. Averbuh K. Ja. Obshhaja teorija termina. – M. : MGOU, 2006. – 252 c.
 12. Belorukova M. V. Intonacija i prosodija: shodstva i razlichija // Novosti nauchnogo progressa. – 2011. – № 3. – S. 6–8.
 13. Bondarko L. V., Verbickaja L. A., Gordina M. V. Osnovy obshhej fonetiki. – Spb : SpbGU, 1991. – 154 c.
 14. Gavrilova Ju. V. Londonskaja lingvisticheskaja shkola i koncepcija Dzhona Ruperta Fjorta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M. : MGOU, 2010. – 21 c.
 15. Gvishiani N. B. Jazyk nauchnogo obshhenija: voprosy metodologii. – M. : URSS, 2013. – 280 c.
 16. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie. – M. : Akademija, 2008. – 304 c.
 17. Manerko L. A. Ponjatie «terminosistema» v sovremennom terminovedenii // Sovremennye tendencii v leksikologii, terminovedenii i teorii LSP. – M. : Izd-vo MGOU, 2009. – S. 207–221.
 18. Neljubin L. L., Huhuni G. T. Istorija nauki o jazyke. – M. : Flinta: Nauka, 2008. – 376 s.
 19. Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykoznanie. – M. : Aspekt-Press, 2005. – 536 s.
 20. Svetozarova N. D. Intonacionnaja sistema russkogo jazyka. – L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1982. – 176 s.

© *Matveeva E.*, 2016.

**ДЕФИСНЫЕ СОЧЕТАНИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ
НЕУЗУАЛЬНЫХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Л. Б. Гацалова

Л. К. Парсиева

*Доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований имени В. И. Абаева
ВНЦ РАН и РСО-А
г. Владикавказ
Республика Северная Осетия-Алания
Россия*

**DEFINE COMBINATION AS A WAY OF EDUCATION NOT USUAL
WORDS IN LITERARY AND JOURNALISTIC TEXTS**

L. B. Gatsalova

L. K. Parsieva

*Doctor of Philosophical Sciences
leading researcher
Doctor of Philosophical Sciences
leading researcher
North Ossetian Institute for Humanitarian
and Social Research by name V. I. Abaev
Vladikavkaz Scientific Center of the RAS
and the Government of the Republic North
Ossetia-Alania
Vladikavkaz
Republic North Ossetia-Alania, Russia*

Abstract. The article discusses the functioning of defining combinations in art and publicistic texts. This method of word formation is one of the most productive. Very often definite combinations are the masters of artistic expression to create emotionally expressive background, give a special flavor of imagery, expressive works. Examples of use in literature and journalism defining combinations, based on the analysis which determines the specificity and the classification of such combinations in Russian and Ossetian languages, depending on the nature of the combining characteristics or concepts.

Keywords: Ossetian language; define combination; occasional word; the author's individual word.

Разнообразие словообразовательных возможностей в языке способствует развитию окказионального, индивидуально-авторского словотворчества, чем охотно пользуются мастера художественного слова, пишущие на осетинском языке. Активность и уместность использова-

ния таких слов, их необычность и выбивающаяся за рамки общепринятого словопроизводства форма в значительной мере зависят от уровня таланта автора, его стиля, жанра, в котором он создает свои произведения. Кроме аффиксации, контаминации, сложения основ, слияния, вставки, субституции и т. д., имеется достаточно продуктивный способ создания неузуальных лексических единиц – дефисное сочетание. Попробуем провести классификацию этих сочетаний, ориентируясь на свойства составляющих эти сочетания слов.

Большинство их них – слова с сочинительным отношением основ. В зависимости от характера объединяющихся признаков или понятий, мы разделили такие новообразования на слова с разнородными признаками или понятиями, однородными признаками или понятиями, взаимоисключающими друг друга признаками или понятиями. Приведем примеры, взятые из осетиноязычных произведений художественной литературы [2, 4]. В одном сочетании могут быть объединены слова с:

□ разнородными признаками или понятиями. Например, *цæрынæй-хæрынмæ* – «жить-есть», т.е. *всегда*:

«...*Афтæ уыд, афтæ у, афтæ уыдзæнис цæрынæй-хæрынмæ*» [2, с. 477] – «*Так было, так есть и так будет всегда*» [здесь и далее перевод наш – Г.Л., П.Л.];

□ однородными признаками или понятиями:

хæстæгæй-хионæй – «близкие и родные»: «Æгас мыггаджы хуы-

здæртæ, *хæстæгæй-хионæй*, йæ ныгæнæн бон æфсургъифтыгъдæй балæууыдысты йæ фарсмæ, се 'намонд хойæн фæстаг хæрзбон зæгъынмæ» [2, с. 479] – «*Лучшие из фамилии, близкие и родные, в день похорон наготове встали рядом с ней, чтобы сказать своей несчастной сестре последнее «прощай»;*

бæлвырд-бæрæгæй – определенно, ясно»: «<...> лæг уыцы судзаг æд агуывзæ цы фæкодта, уымæн дæр сæ *бæлвырд-бæрæгæй* ничи ницы бамбæрста» [2, с. 485] – «<...> *куда мужчина дел эту горькую со стаканом никто ничего определенно не понял*»;

цæргæ-цæрæнбонты – «всю жизнь»: «– *Цæргæ-цæрæнбонты æнæрæгъыдзыд Цъыззыттæ уыдыстут, Цъыззыттæ стут æмæ Цъыззыттæй баззайдзыстут!*» [с. 484–485] – «*Всю жизнь были никчемными Цыззаевыми, есть Цыззаевы и будете Цыззаевыми!*»;

тыххæй-фыдæй – «еле-еле»: «Æмæ *тыххæй-фыдæй* агуыбыр размæ» [2, с. 489] – «*И еле-еле нагнулся вперед*»;

□ взаимоисключающими друг друга признаками или понятиями:

сусæг-æргомæй – «прямо и за глаза»: «Бæргæ ма ныттылдтой сæ тымбылкъухтæ, бæргæ ма йæ æлгъыстой *сусæг-æргомæй* <...>» [2, с. 485] – «*Они еще махали кулаками, проклинали его прямо и за глаза <...>*».

туг-стæг – «кровь-кость»:

«Мæ зæрдæ, дам, æппынаэдзух кæимæ дзуры, мæ уд, дам, кæмæн нывонд кæнын, уыдон *туг-стæджы* фыд, дам куыд батайдзæнис мæ ахсæны?» [с. 483] – «*Как переварится*

кровь-кости тех, которые постоянно в моем сердце, кому я отдам свою душу?».

Большое число дефисных сочетаний составляют слова-повторы:

тай-тай кæнын – «шуметь»:

«Цъызыттæ лæгæвзæрстæй сæ тых-сæ бонæй **тай-тай кодтой фæндагыл**» [2, с. 484] – «*Некоторые из Цызаевых шумели в дороге как только могли*».

Часто это бывают звукоподражания:

къæс-къæс кæнын – «поскрипывать»: «Фæлурс мигъы бындзыгау, уыцы райгæ, уыцы 'рттивгæ **къæс-къæс** кодта сатæг, æхцон уæлдæфы» [2, с. 484] – «*Так радостно сверкая, скрипел, словно снежный ком, на прохладном, приятном воздухе*»;

мыр-мыр кæнын – «ржать»: «Бæх тарст **мыр-мыр ныккодта**» [2, с. 482] – «*Лошадь испуганно заржала*».

Значительную группу дефисных сочетаний в осетинском языке составляют слова с повтором основы, в инициали конститuentов которых можно видеть превербы:

адыгъал-дыгъул кæнын – «поначина рассказывать»: «Æнæмæнг ын уый цыдæртæ **адыгъал-дыгъул кодта**» [2, с. 488] – «*Точно он ему что-то поначина рассказывал*».

Помимо превербов, каждая из частей дефисных сочетаний может начинаться и с созвучных друг другу элементов:

ЦЫЛЛИНГ-МЫЛЛИНГГÆНГÆ – «виляя»:

«Йæхæдæг йæ бæх фезмæлын кодта, æмæ уæртæ **цыллинг-мыллинггæнгæ** йæ зæрдæйы дзæбæхæн фæсиры» [2, с. 485] –

«*Сам он тронул коня и вон уже, виляя, скачет себе в удовольствие*»;

Широко используется дефисные сочетания в произведениях современного осетинского писателя Сергея Хугаева [4]. Наряду с индивидуально-авторскими сочетаниями, в текстах данного автора встречаются и традиционные сложносоставные понятия, которые различаются стилистической окраской. Так, в примерах «Сылыстæджы уды æндæвд ыл нæ сæмбæлди *гуыргæ-гуырын*» [4, с. 76] – «Не коснулась его при рождении женская душа»; «Афынæй» – загъта йæхицæн Сатана, йæ уæлæфтау фелвæста йæ уæхсчытæй, йæ уæраджы сæртæм донь балæгæрста, йæ уæлæ скалдта дон æмæ донь фæлхъæзæнтæ налхъуыт-налмасы фæрдгуытау схъазыдысты йæ *урс-урсид* уæраджы сæртыл» [4, с. 78]. «Заснул, – сказала про себя Шатана, сняла с плеч накидку, по колено влезла в воду, облила себя водой и брызги воды заиграли на ее белых бедрах как бриллиантовое ожерелье» [4, с. 78] дефисные сочетания являются нейтральными. В другом предложении то же сочетание *урс-урсид* употреблено рядом с эмоционально-экспрессивным индивидуально-авторским сочетанием *мат-мæрдтытæ* «переживание-умирание» (ср. русс. *переживать до смерти*): «Фæлæ, цалынмæ иннæ кодта, уæдмæ йын фыййау йæ уæраджы сæртæ ауыдта уыцы *урс-урсидæй* æмæ *мæт-мæрдтытæ* кæнын байдыдта» [4, с. 78] – «Но пока она другой надевала, пастух

увидел ее белоснежные колени и сильно заперезживал».

Ряд традиционных сочетаний ярко выраженного разговорного характера привносит в текст экспрессивные коннотации: «Æмæ ныр нæлтæ сылыстæгмæ цы *тайгæ-руайгæ* цæстæй кæсынц, ахæм цæстæй йæм нæ кæсы Уæн» [4, с. 76] – «И теперь не так, как мужчины на женщин смотрят поедая глазами, а по другому смотрит на нее Уан»; «Цы ма хъуамæ фæуыдаид уыцы *гом-æгæрцæй!*» [4, с. 80] – «Куда бы он еще делся совершенно раздетым?».

Очевидно, что дефисные новации значительно обогащают художественное произведение. В них авторы соединяют, казалось бы, совершенно несоединимые слова и добиваются таким образом нужного эмоционального эффекта.

Библиографический список

1. Гацалова Л. Б. Неология в современной лингвистике. – Владикавказ, 2005.
2. Казиты (Казиев) М. Р. Наказ Христа: новеллы, повести. – Цхинвал : Цыкура, 2016.
3. Хугаев С. З. Нарты Фарнæг // Нарты Фарнæг: роман, радзырдтæ. – Дзæуджыхъæу : Ир, 2005. – С. 5–335.

Bibliograficheskijspisok

1. Gacalova L. B. Neologija v sovremennoj lingvistike. – Vladikavkaz, 2005.
2. Kazity (Kaziev) M. R. Nakaz Hrista: novelly, povesti. – Chinval : Cykura, 2016.
3. Hugaev S. Z. Narty Farnæg // Narty Farnæg: roman, radzyrdtæ. – Dzæudzhyh'æu : Ir, 2005. – S. 5–335.

© Гацалова Л. Б.,
Парсиева Л. К., 2016.

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ЯПОНСКОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ-РАССЫЛОК

С. К. Ефимова
А. Н. Софронова

*Старший преподаватель
магистрант,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
Россия*

COMMUNICATION STRATEGIES OF THE JAPANESE ADVERTISING DISCOURSE IN THE MAILING LETTERS

S. K. Efimova
A. N. Sofronova

*Senior lecturer
undergraduate student
North-Eastern Federal University
Yakutsk city, Republic of Sakha (Yakutia),
Russia*

Abstract. Analysis of communication strategies of advertising discourse helps us to watch the development of modern Japanese, the language situation in Japan. In our study of the linguistic realization of communication strategies in Japanese advertising discourse (according to the classification of Y. K. Pirogova) we analyzed letters of the Japanese branch of an American clothing store GAP to the email consumer. Manipulative strategies are implemented by the verb in the causative form and an interrogative sentence followed by an exclamation sentence. Positioning strategy is implemented by nouns, adjectives and adverbs. Optimizing strategy is implemented by nouns, numerals and English word, phrases, also by writing borrowed and native Japanese words in katakana, and using exclamation marks which is not typical for the Japanese.

Keywords: communicative strategies; advertising discourse; Japanese study.

Современная Япония является ведущей страной мира в области рекламного бизнеса, основная задача которого – передача информации наиболее доступным и оперативным способом, способствующим эффективному дистанционному информированию населения. Выявление и анализ коммуникативных стратегий рекламного дискурса позволяет проследить тенденцию развития

современного японского языка, языковую ситуацию, изменения, происходящие внутри языка, что и объясняет актуальность исследования. Рекламный дискурс представляет собой особую разновидность дискурса, основной целью которого является воздействовать на прагматическую сферу потенциального потребителя [5, с. 158]. Для этого используются разнообразные сти-

листические приемы и коммуникативные стратегии, которые активизируют интерес адресата и создают благоприятные условия для закрепления рекламного дискурса в сознании реципиента [2, с. 102]. Д. Э. Розенталь считает, что одним из основных жанров рекламного дискурса является рекламный текст, который представляет собой пример максимально эффективного использования языка, языковую специфику рекламного дискурса [4, с. 27]. Таким образом, рекламный текст представляет собой законченное графически текстовое единство, где сочетаются факторы лингвистического и экстралингвистического характера и осуществляется позитивная прагматическая направленность. Исследователи отмечают, что в тривиальной рекламе конструирование текста сводится к упрощению грамматических структур и обилию клише-штампов, однако, наиболее действенные рекламные тексты строятся на гораздо более сложных принципах: создатели текстов избегают прямого описания предмета рекламы, его свойств, характеристик и достоинств [1, с. 3].

Под стратегиями коммуникативного воздействия в рекламе подразумевают приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке [3, с. 534]. По Ю. К. Пироговой коммуникативные стратегии делятся на: 1) манипулятивные и неманипулятивные; 2) вербально-ориентированные, не-

вербально-ориентированные и смешанные; 3) позиционирующие (формирующие определенное восприятие рекламируемого объекта), которые подразделяются на а) стратегии дифференциации, помогающие выделить рекламируемый объект в ряду конкурирующих; б) ценностно-ориентированные стратегии, позволяющие связать рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями; в) стратегии присвоения оценочных значений, в частности помогающие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта; 4) оптимизирующие (направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения, на преодоление неблагоприятных условий коммуникации), которые подразделяются на: а) стратегии согласования языка и картин мира коммуникантов; б) стратегии повышения распознаваемости рекламы, что позволяет адресату быстро соотнести сообщение с рекламируемым объектом и воспринять его основную тематику при беглом просмотре; в) стратегии повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения; г) мнемонические стратегии, позволяющие повысить запоминаемость сообщения или его части; д) аргументативные стратегии; е) стратегии распределения информации по оси «более/менее важное» [3, с. 543–553]. Подчеркивается, что для создания эффективного рекламного сообщения могут использоваться стратегии всех типов.

В нашем исследовании языковой реализации коммуникативных стратегий японского рекламного

дискурса (по классификации Ю. К. Пироговой) были проанализированы письма, при- сланные японским филиалом американского магазина одежды «GAP» на электронную почту потребителя. В ходе работы выяви- ли следующее:

1. Манипулятивные стратегии реализованы: 1) глаголом в побуди- тельной форме:

Gapストアでショッピングの時は、

会員証QRコードを忘れずに!

Gap sutoa de shoppingu no toki wa, kaiinshou QR koodo wo wasurezu ni! *«Не забывай свой QR код членской карты при совершении покупок в магазинах Gap!»;*

2) вопросительным предложением, за которым следует восклицатель- ное, предлагающее выгодный от- правителю сообщения вариант ре- шения проблемы:

ポーチ無料クーポン、もうご利用

になりましたか?

今週末ストアへGO! Poochi muryou kuupon, mou goriyou ni narimashita- ka? Konshuumatsu sutoa e GO! *«А вы уже использовали бесплатный купон? На этих же выходных иди в магазин!»*

2. Позиционирующие стратегии: а) стратегия дифференциации реализована: 1) прилагательными:

待望のコラボコレクション発売は

明日! Taibou no korabo korekush- on hatsubai wa ashita! *«Завтра нача- ло продажи долгожданной сов- местной коллекции!»* Прилагатель-

ные 待望 taibou «долгожданная» и
コラボ «совместная»

дифференцируют данную коллекцию в ряде других конкури- рующих коллекций; 2) наречиями:

ご好評いただいている、会員限定

のシークレットプレセールのお知

らせです! Gokouhyou itadaite iru,

kaiin gentei no shiikuretto pureseeru no oshirase desu! *«Объявление о сек- ретной предраспродаже только для членов сообщества, от которых*

поступают хорошие отзывы!»

Дифференциация за счет наречия «только», а также прилагательного «секретный», что вызывает интерес

у читателя; б) ценностно- ориентированная стратегия реализована существительными:

もうすぐ新生活&新学期! 準備は

もうお済ですか? Gapのストアで最

終チェックを! Mou sugu shinsei-

katsu & shingakki! Jyunbi wa mou osumi desuka? Gap no sutoa de saishuu chekku wo! *«Совсем скоро*

начнется новая жизнь и новый се- местр! А вы уже к этому подгото- вились? Последняя проверка (этого)

в магазине Gap!» – данное предло- жение ориентировано на студентов, в ценности которых входит учеба в университете, к которой надо под- готовиться, то есть совершить по- купку подходящей одежды в дан- ном магазине, что подразумевается

во втором восклицательном пред- ложении; в) стратегия присвоения оценочных значений реализована прилагательными:

デザインバリエーション豊かなTシャツコレクションや、大人気のドレスコレクションをおトクにGetしましょう！ Dezain barieeshon yutakana T shatsu korekushon ya, daininki no doresu korekushon wo otoku ni Get shimashou! *«Давайте выгодно приобретем популярную коллекцию платьев и богатую коллекцию футболок с различными вариантами дизайна».* Прилагательные «богатый» и «очень популярный» помогают усилить восприятие положительных свойств объекта;

3. Оптимизирующие: а) стратегия согласования языка и картины мира коммуникантов реализована чаще существительными:

春はすぐそこ桜とさわやかな青空が楽しみ！ベビーの初めての春にぴったりの、新しいフェイバリッ

トをご覧ください。 Haru wa sugu sili sakura to sawayakana aozora ga tanoshimi! Bebii no hajimete no haru ni pittari no, atarashii feibaritto wo goran kudasai. *«Весной мы с нетерпением ждем сакуру и освежающее синее небо! Обратите, пожалуйста, внимание на новинки для детей, для встречи их первой весны».* В данном рекламном тексте отображается картина мира японцев: весна – сакура, а затем рекламируются новинки для детей к весне; б) стратегия повышения распознаваемости рекламы реализована числительными и английскими словами:

最大50%OFFのSALEからさらに

10%OFF! Saidai 50%OFF no SALE kara sara ni 10%OFF! *«Плюс 10% скидка к самой большой скидке в 50%!»* Используются числительные с указанием скидки и английские слова (SALE, OFF), даже при беглом просмотре понятна основная информация; в) стратегия повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения реализуется

1) написанием на японской азбуке катакана как заимствованных слов, так и исконно японских слов:

春アイテムをおトクにGet

するチャンスです！ Haru aitemu o otoku ni Get suru chyansu desu! *«Шанс выгодно заполучить весенние вещи!»;* 2) использованием восклицательного знака, который не характерен для японского языка, но достаточно часто встречается в рекламных текстах, притягивая внимание читателя:

Gapのストアで最終チェックを！

Gap no sutoa de saishuu chekku wo! *«Проверка в магазине Gap!»;*

г) мнемонические стратегии не были выявлены;

д) аргументативные стратегии реализованы словосочетаниями:

ママが大好きな、ベビーのコーディネートしやすいワンステップの

アウトフィット。 Mama ga daisukina, bebii no koodineeto shiyasui wansuteppu no auttofitto. *«Быстрая экипировка, любимая мамами, в которой легко присматривать за детьми».* В данном случае аргументом является часть предложения *«в которой легко присматривать за*

детьми»; е) стратегия распределения информации по оси «более/менее важное»: не было выявлено.

Таким образом, была предпринята попытка анализа языковой реализации коммуникативных стратегий японского рекламного дискурса на примере писем-рассылок. В ходе исследования также было выявлено, что в японском рекламном дискурсе на примере писем-рассылок магазина «Gap» чаще всего используется оптимизирующая стратегия повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения – нами было выявлено 84 % предложений с данной стратегией. 70 % предложений включали оптимизирующие стратегии повышения распознаваемости рекламы. 56 % предложений содержали манипулятивные стратегии, из них 65 % выражены побудительным глаголом с восклицательным знаком и 35 % выражены вопросительным предложением. 14 % предложений содержали позиционирующие коммуникативные стратегии дифференциации, 12 % – оптимизирующие аргументативные стратегии, 10 % – позиционирующие стратегии присвоения оценочных значений. Нами было замечено наименьшее использование следующих стратегий: оптимизирующая стратегия согласования языка и картин мира коммуникантов – 8 % предложений, позиционирующая ценностно-ориентированная стратегия, связывающая рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями – 7 % предложений.

Библиографический список

1. Баркова Л. А. Влияние фактора адресата на окказиональное использование фразеологических единиц // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Горького. Вып. 244. – М., 1985. – С. 3–15.
2. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М., 2000. – С. 102–143.
3. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте. // Интертекст. Культура. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 534, 543–553.
4. Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. – М. : Высш. школа, 1981. – С. 27–30, 127.
5. Хромов Л. Н. Рекламная деятельность: искусство, теория, практика. – Петрозаводск : Фолиум, 1994. – С. 158.

Bibliografickij spisok

1. Barkova L. A. Vlijanie faktora adresata na okkazional'noe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinic // Sb. nauch. trudov MGPIIJa im. M. Toreza. Vyp. 244. – M., 1985. – S. 3–15.
2. Nazarov M. M. Massovaja kommunikacija v sovremennom mire: metodologija analiza i praktika issledovanij. – M., 2000. – S. 102–143.
3. Pirogova Ju. K. Strategii kommunikativnogo vozdejstvija i ih otrazhenie v reklamnom tekste. // Intertekst. Kul'tura. – M. : Azbukovnik, 2001. – S. 534, 543–553.
4. Rozental' D. Je., Kohtev N. N. Jazyk reklamnyh tekstov. – M. : Vyssh. shkola, 1981. – S. 27–30, 127.
5. Hromov L. N. Reklamnaja dejatel'nost': iskusstvo, teorija, praktika. – Petrozavodsk : Folium, 1994. – S. 158.

© Ефимова С. К.,
Софронова А. Н., 2016.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ И ВЕРХНЕКОЛЫМСКОМ ГОВОРАХ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Р. П. Кузьмина

*Кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН
г. Якутск
Республика Саха (Якутия), Россия*

FEATURES OF FUNCTIONING OF NUMERALS IN NIZHNEKOLYMSKIY AND VERKHNKOLYMSKIY DIALECTS OF THE EVEN LANGUAGE

R. P. Kuzmina

*Candidate of Philosophical Sciences
Humanitarian Researches and the North
Minorities Issues Institute
of the Siberian Department of the Russian
Academy of Sciences
Yakutsk
Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

Abstract. The article discusses the functioning of the single digits in numerals Nizhnekolymsk and Verkhnekolymsk dialects of Even language, with some distinctive features. These dialects are characterized by a number of features in the field of phonetics, morphology and vocabulary of the literary language, dialects of the eastern dialects and some dialects of Evens of Yakutia. The characteristics are identified and the use of digits of numerals. Earlier, the numerals in these dialects are not subjected to the description in the papers of researchers. In the article the author used field recordings collected over the years in the areas of compact residence of Upper and Lower Kolyma Evens.

Keywords: Even language; discharges; voices; discharge; numeral; dialect.

Имя числительное было рассмотрено в диалектологических работах эвеноведов [1; 9; 7; 6; 4; 5; 8; 2; 3]. Специальной работой, посвященной исследованию категории количественности в эвенском языке в русле функционального подхода, является работа С. И. Шариной «Категория количественности в эвенском языке» [10].

Согласно С. И. Шариной: «Числительное в эвенском языке – это именная часть речи, выражающая существующую счетную систему, единицы этой системы, имеющие общую парадигматику по семантико-деривационным разрядам и группам» [10, с. 45].

В нижнеколымском говоре используются те же семантико-грамматические разряды числи-

тельных, что и в других говорах эвенов: количественные, порядковые, распределительные, повторительные, умножительные, ограничительные, собирательные, приблизительные и дробные.

В настоящее время в верхнеколымском говоре имеют активное употребление следующие разряды числительных: количественные, порядковые, распределительные, повторительные, ограничительные, собирательные, приблизительные.

Особенности данных говоров от говоров восточного наречия и некоторых говоров западного наречия выявляются в функционировании отдельных разрядов числительных, в частности, количественных, порядковых и собирательных числительных.

Итак, в нижнеколымском говоре эвенов выявлены два способа образования чисел второго десятка и чисел свыше двух десятков. В первом способе образования чисел второго десятка употребляется послелог *ойдун* «сверх, свыше» с притяжательным окончанием 3 л. ед.ч. Данный способ ранее был зафиксирован Л. Д. Ришес в западном диалекте эвенского языка [7, с. 179].

Примеры: *Өтэрэптукун Андрюшкала миан ойдун өмөн стада биһин.* «С давних пор в Андрюшкино одиннадцать (букв. десять свыше (его) один) стад было»; *Өмэн стадала дьэ Һойа бивэрэр, дигэн тыһынча ойдун д'апканмиар оран бивэрэрин.* «В одном стаде много было, четыре тысячи восемьдесят (букв. четыре тысячи свыше (его) восемьдесят) оленей бывало»; *Өмэн миан ойдун өмэн инэңи февраль.* «Один-

надцать февраля (букв. одиннадцать свыше (его) один)» и др.

В обоих говорах *һулэк* «лишний» используется с числительными, чтобы указать, что чисел было больше, например: *Д'өрмиар бэйдук һулэк бивэрэн.* «Больше двадцати человек бывает»; *Миандун һулэк һавнача бид'им орондула.* «Больше десяти лет проработала в стаде»; *Д'онтуру миандук һулэк дукрив.* «Стихотворений больше десяти написала»; *Акму миндук миандук һулэкэч эгд'эн.* «Брат (старший) старше меня на десять с лишним лет» и др.

В языке нижнеколымских эвенов *порядковые* числительные образуются от основ количественных числительных с помощью суффикса *-һ* (лит. *-с*): *д'өрэх* «второй», *илиһ* «третий», *дигыһ* «четвертый», *тунҕиһ* «пятый», *н'уҕэһ* «шестой», *надһ* «седьмой», *д'апкһ* «восьмой», *уйуһ* «девятый», *миариһ* «десятый», *д'өрмиариһ* «двадцатый», *иләнмиариһ* «тридцатый», *дигэнмиариһ* «сороковой», *тунҕанмиариһ* «пятидесятый», *н'уҕэнмиариһ* «шестидесятый», *надһанмиариһ* «семидесятый» и т. д.

Примеры: *Амарла д'өриһ одни.* «Позже вторым стал»; *Тигэми би н'ан н'уҕэһ часла һурд'им.* «Поэтому я тоже в шесть часов пойду»; *Дигиһ класстук миан классла истала эмдиттэн.* «С четвертого класса по десятый класс пришли» и др.

И в нижнеколымском и в верхнеколымском говорах активно применяются порядковые числительные, заимствованные из якутского языка, оформленные формантом *-с*:

Иккис гуаву. «Второй муж» и др. Также в языке эвенов Нижней Колымы используется, заимствованное числительное *ан бастаан* «самый первый»: *Ан бастаан гуаву тарак биһин*. «Самым первым другом (моим) он был» и др.

В нижнеколымском говоре частотными являются заимствованные из русского языка порядковые числительные, например: *Эрэгэр первэй местэв гавран*. «Постоянно первое место занимал»; *Первэй, второй местэлбу гарив*. «Первые, вторые места занимала»; *Өтэл наар первэй местэв гаврарив иэсчимэчкэлэ*. «Раньше постоянно первые места занимала на соревнованиях» и др.

В значении *порядковых* числительных в речи среднего поколения нижнеколымских эвенов могут употребляться числительные без форманта *-һ*, например: *Орон иэсчимэчкэлэн би гарив н'ан д'өр местэв*. «В гонках на оленьих упряжках я заняла второе место»; *Эрэк районһив д'өр местэв гарид'и эмдив умуккэн*. «По всему району второе место заняла я одна» и др.

В верхнеколымском говоре *порядковые* числительные оформляются несколько иначе, чем в других говорах эвенов. Данный разряд числительных в говоре образуется от основ количественных числительных с помощью форманта *-т*, являющейся возможно видоизмененной формой порядкового числительного, которая используется в говорах среднего наречия в оформлении лично-притяжательным аффиксом 3 л. мн.ч. *-тан/-тэн*: *илит* «третий», *дигит* «четвертый»,

тунһит «пятый», *н'уһит* «шестой», *миаһит* «десятый» и т. п.

Числительные второго десятка также образуются при помощи суффикса *-т*: *миан өмит* «одинадцатый» и др. В говоре активное использование имеет форма *өмнин* «первый», употребляющаяся в значении *өмэн* «один», например: *Өмнин май* «Первое мая» и др.

В значении «*первый*» в данном говоре применяется *д'улиги* «передний», в значении «*второй*» в говоре употребляется форма *гуа*, *гуанан*, например: *Д'улиги кэргэми Өймөкөндук умучэ биһин, Ульяна гэрбэн д'улэгэ*. «Первую жену из Оймяконья привез, ее Ульяна зовут»; *Тарит гуанан кэргэнни Акулина Львовна Никулина гэрбэ биһин*. «Затем вторую жену Акулина Львовна Никулина звали»; *Гуа роддома улэлэн*. «Вторая работает в роддоме» и др.

Из *собирательных* числительных в значении «один, в единственном числе», «одинокый» в нижнеколымском говоре кроме формы *өмэккэн~умэккэн*, представляющей собой количественное числительное *өмэн~умэн* «один» в сочетании с уменьшительно-ограничительным аффиксом *-ккэн*, встречающейся также в охотском *диалекте* используется форма, представляющая собой сочетание числительного *өмэн* с формантом множественного числа *-һэл* [4, с. 58].

Примеры: *Муттукэн эрэк поселок ойлин өмөккэһэл биһөп төрэрил*. «Только мы по всему поселку одни владеющие (родным языком)»; *Син*

н'ан бивэчэҕээрэрэп өмэккэһэл.
«Все же жили как-то одни» и др.

В данном говоре в значении *собирательных* числительных также употребительны словосочетания, образованные от основ количественных числительных и условного деепричастия *бими: илон бими* «втроем», *дигөн бими* «вчетвером» и др.

Примеры: *Чакийла балдача биһит мут д'өр биникэхэл букатын иһэн'һи долиң.* «Весной родились вдвоем в очень холодный день»; *Д'өр биникэхэл балдачал биһит.* «Вдвоем родились» и др.

Таким образом, следует отметить, что верхнеколымский и нижнеколымский говоры эвенов обнаруживают ряд отличительных признаков по функционированию многих разрядов числительных от говоров восточного наречия и литературного языка эвенов.

Библиографический список

1. Богораз В. Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Выпуск 1. – Л., 1931. – С. 3–108.
2. Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб. : Наука, 1996.
3. Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск : Наука, 2010.
4. Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. – Л. : Наука, 1978.
5. Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. – Л. : Наука, 1982.
6. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1.
7. Ришес Л. Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка // Уч. Записки ЯФ СО АН СССР. – 1955. – С. 179–203.
8. Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. – Л. : Наука, 1989.
9. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947.
10. Шарина С. И. Категория количественности в эвенском языке. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

Bibliograficheskij spisok

1. Bogoraz V. G. Materialy po lamutskomu jazyku // Tungusskij sbornik. Vypusk 1. – L., 1931. – S. 3–108.
2. Dutkin H. I. Allaihovskij govor jevenov Jakutii. – SPb. : Nauka, 1996.
3. Kuz'mina R. P. Jazyk lamunhinskih jevenov. – Novosibirsk : Nauka, 2010.
4. Lebedev V. D. Jazyk jevenov Jakutii. – L. : Nauka, 1978.
5. Lebedev V. D. Ohotskij dialekt jevenskogo jazyka. – L. : Nauka, 1982.
6. Novikova K. A. Oчерki dialektov jevenskogo jazyka. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1960. Ch. 1.
7. Rishes L. D. Nekotorye dannye po zapadnomu dialektu jevenskogo jazyka // Uch. Za-piski JaF SO AN SSSR. – 1955. – S. 179–203.
8. Robbek V. A. Jazyk jevenov Berezovki. – L. : Nauka, 1989.
9. Cincius V. I. Oчерk grammatiki jevenskogo (lamutskogo) jazyka. – L., 1947.
10. Sharina S. I. Kategorija kolichestvennosti v jevenskom jazyke. – SPb : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.

© Кузьмина Р. П., 2016.

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

И. С. Трифонова

*Кандидат филологических наук
старший преподаватель
Тюменский государственный
университет
г. Тюмень, Россия*

THE MODELING METHOD IN MODERN TERMINOGRAPHY

I. S. Trifonova

*Candidate of Philology, Senior lecturer
Tyumen State University
Tyumen, Russia*

Abstract. The present article is dedicated to the modeling method. This method is considered to be one of the most effective methods in scientific language studies. The principles of organization in different term systems and dictionary construction of different types are very requested lines of researches. In linguistic the modeling method was already applied actively in the end of the 20th century. But in the modern situation of the rapid increase in scientific and technical knowledge and the global integration of different scientific areas the modeling method is obtaining a current renaissance.

Keywords: modeling method; model; terminography; term system; dictionary construction.

Метод моделирования зародился еще в древности, однако, большие успехи и признание практически во всех отраслях науки он получил в современных исследованиях. Это обстоятельство объясняется стремительным ростом научного знания и непрерывно растущей ролью информационных технологий. В таких условиях усиливается необходимость моделирования знаний об объективной реальности. Поэтому, как отмечают многие исследователи, решить проблему формализации научного знания возможно путём решения проблемы формализации научно-технического языка [1, 2, 4, 5, 9, 11].

В научной литературе моделирование определяется как процесс создания моделей-аналогов исследуемого объекта действительности: «моделирование – исследование объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений <...> и конструируемых объектов (для определения, уточнения их характеристик, рационализации способов их построения и т. п.)» [19]. При этом модель, с одной стороны, выступает как сконструированный аналог реального объекта или явления, с другой – как своеобразный инструмент его познания.

Естественный язык является сложнейшим объектом для моделирования, поскольку исследователю доступны только результаты языковых процессов в виде многочисленных устных и письменных текстов. Сами процессы восприятия и порождения речи, происходящие в сознании человека, скрыты от непосредственного наблюдения. Однако в современной лингвистике моделирование считается одним из наиболее эффективных методов изучения и описания языка, языковых объектов и явлений.

В лингвистику метод моделирования пришел в 70-х годах XX века с возникновением математической лингвистики, проникновением в лингвистику математических методов, а также благодаря возросшему интересу научного сообщества к коммуникативной и когнитивной функциям языка.

Моделирование в лингвистике описано как «один из видов научной классификации, определенный прием формализации и систематизации языка» [16, с. 60], а также «процесс создания искусственных моделей, которые призваны описывать языковые и ментальные (когнитивные) процессы, происходящие в сознании человека» [14, с. 169–170]. Другими словами, моделирование совместно с другими методами изучения языка выступает как средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности, как средство, способное полнее раскрыть сущность языка.

Метод моделирования в терминологии ярко проявляется в реше-

нии двух ключевых задач этой области знания:

- разработки и описания терминологий на разных этапах моделирования терминосистем;
- проектирования моделей терминологических словарей [13, 14, 22].

Применительно к терминосистемам метод моделирования базируется, как указывает З. И. Комарова, на нескольких основных принципах конструирования: гносеологическом (когнитивном), формальнологическом и лингвистическом [12, с. 58].

Ученый отмечает, что в большинстве случаев терминосистемы строятся по формальнологическому принципу, когда «эксплицитно выражены логические отношения» типа род-вид, часть-целое, причина-следствие и т. д. Лингвистический принцип отражает связи между терминами определенной терминосистемы и базируется на «полевой структуре с ядром (ядрами) и периферией». При использовании когнитивного принципа конструирования терминосистем «выбор понятий и связей между ними будет зависеть от теории, которая лежит в основе определенной системы понятий» [12].

Создание терминосистем представляет собой «формализацию научных знаний», логиколингвистическую модель определенной теории той или иной области знаний и (или) деятельности и способствует дальнейшему развитию соответствующей научной области» [12, с. 12].

Результатом такого вида моделирования в материальной форме является создание различных типов словарей, т. к. «словарное описание терминологии той или иной области знания (деятельности) является неотъемлемой частью процесса создания соответствующей терминосистемы» [12].

Согласно С. В. Гринёву-Гриневичу, приоритетным направлением современной теории и практики терминографии является разработка общепринятых принципов обоснования структуры словаря и оформления информации о терминологической лексике [8, с. 21].

Процесс создания словаря, согласно предварительному анализу предлагаемых терминологами и лексикографами этапов его проектирования, условно можно разделить на четыре части. Рассмотрим предложенные этапы на примере процесса моделирования терминологического словаря, описанного в работе С. В. Гринёва-Гриневича «Введение в терминографию» [8].

Первостепенной задачей, согласно С. В. Гринёву-Гриневичу, при создании терминологического словаря является определение внешних по отношению к композиции словаря факторам, таким как элементы авторской установки.

Следующим шагом моделирования словаря является отбор лексического материала и составление словника.

Третьим этапом проектирования словаря, как указывает автор, является непосредственный анализ и описание отобранной специальной лексики. На данном этапе работы

устанавливаются и фиксируются синонимические, иерархические, ассоциативные и другие виды отношений между единицами специальной лексики, к ним подбираются определения, иноязычные эквиваленты, дается транскрипция, этимологическая, грамматическая и другие виды информации [12, с. 63].

Наконец, на завершающем четвертом этапе работы над составлением терминологического словаря необходимо «редактирование подготовленного материала, уточнение и проверка взаимных ссылок между отдельными статьями словаря, подготовка и уточнение введения и другие работы по подготовке словаря к изданию» [12, с. 64].

Таким образом, С. В. Гринёв-Гриневич выделяет четыре этапа создания терминологического словаря – обоснование элементов авторской установки, отбор лексического материала и составление словника, анализ и описание отобранных единиц специальной лексики, окончательное оформление результатов проведенной работы в виде реального лексикографического продукта.

Следует отметить, что в условиях интеграции научного знания, появления огромного числа междисциплинарных исследований и стремления к установлению межъязыковых и культурных связей значительно возросла роль двуязычной лексикографии и терминографии.

Теоретическое осмысление проблем составления и принципов организации двуязычных словарей представлено в монографиях отечественных лексикографов В. П. Беркова «Двуязычная лекси-

кография» на материале норвежского языка (1996), Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» на материале немецкого языка (2013) и зарубежного лексикографа А. Адамски «Meaning and the Bilingual Dictionary» (2006) на материале польского языка [3, 10, 21]. Авторы исследуют вопросы:

- разработки словника;
- особенностей построения словарной статьи;
- оптимального представления значения слова в словаре;
- соотношения формы и значения слова;
- отражения многозначных и омонимичных единиц языка;
- эффективности использования иллюстративных примеров в микроструктуре двуязычного словаря [6, с. 126].

Современный словарь призван максимально быстро отражать изменения в окружающем мире, науке и технике. По этой причине общество отходит от традиции использования печатных справочных изданий, отдавая предпочтение электронным словарям.

В терминографии крупные печатные издания представлены Большими энциклопедическими изданиями конца 1990-х годов, например, Физика Большой энциклопедический словарь 1998 года [20]. Современные терминологические словари представляют собой электронные издания, включающие самые различные области знаний, переводные соответствия, сочетаемость, экстралингвистическую информацию, различные взаимосвязи

как внутри текста, так и между текстами [17].

Перед терминологами и лексикографами, как отмечает В. Д. Табанакова, стоит задача разработки функциональных типов словарей, ориентированных на всю «полноту семантизации термина, начиная с переводного эквивалента до максимально полного раскрытия объема и содержания специального понятия, сочетаемости, вариативности, омонимичности, многозначности, относительной функциональности, степени переводимости термина» [18, с. 275].

Таким образом, в терминографии метод моделирования активно применяется для конструирования различного рода терминосистем, характеризующихся определенными принципами построения в зависимости от особенности и сложности терминируемой области. Результатом такого моделирования являются лексикографические продукты, которые, с одной стороны, включает смоделированную терминосистему, с другой – сами являются сконструированной моделью организации и представления этой системы.

Библиографический список

1. Авербух К. Я. Терминология и стандартизация: некоторые итоги и перспективы // Научно-техническая информация. – Сер. 1. 1985. – № 3. – С. 1–8.
2. Баранов А. Г. Проблемы и перспективы стандартизации языка технических документов // Филологический сборник: Мир и Язык. Выпуск 6. – Кемерово : КемГУ, 2005. – С. 31–37.

3. Берков В. П. Двухязычная лексикография. – СПб. : Изд-во СПУ, 1996. – 248 с.
4. Бесе Б. де. Терминология и стандартизация // Теоретические и методологические вопросы терминологии. – М. : Наука, 1979. – С. 26–56.
5. Волкова И. Н. Стандартизация научно-технических стандартов. – М. : Изд-во Стандартов, 1984. – 200 с.
6. Волошина И. С. Модель электронного переводного словаря-справочника естественнонаучных омонимичных терминов: дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 287 с.
7. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 70 с.
8. Гринёв-Гриневиц С. В. Введение в терминографию. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 21.
9. Даниленко В. П. О стандартизации терминологии // Лингвистический аспект стандартизации терминологии. – М. : Наука, 1993. – С. 34–40.
10. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 752 с.
11. Кантышева Н. Г. Принципы моделирования междисциплинарных терминосистем : монография. – Тюмень : Издательство «ШУКЛИН & АЛЕКСАНДРОВ», 2013. – 184 с.
12. Комарова З. И., Прошина А. А. Моделирование двухязычного словаря-тезауруса по экономике : монография. – Екатеринбург : Форум-книга, 2009 – 276 с.
13. Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века: материалы IX Международной школы-семинара, Иваново, 8-10 сентября 2011 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – 412 с.
14. Лингвистическое моделирование: Коллективная монография. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – 186 с.
15. Марчук Ю. Н. Основы терминографии : методическое пособие – М. : ЦИИ МГУ, 1992. – 75 с.
16. Немченко В. Н. О понятии словообразовательной модели // Лексика. Терминология. Стили. – Горький, 1973. – Вып. 1. – С. 58–67.
17. Словарь Мультитран. URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe> (дата обращения: 27.09.2016).
18. Табанакова В. Д. Функциональная вариативность специального переводного словаря // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 2005. – С. 275.
19. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse> (дата обращения: 27.09.2016).
20. Физика. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд. – Большая Российская энциклопедия. – М., 1998. – 944 с.
21. Arleta Adamska-Salaciak MEANING AND THE BILINGUAL DICTIONARY: Peter Lang. Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – 231 p.
22. Life beyond Dictionaries: материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново – Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – 430 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Averbuh K. Ja. Terminologija i standartizacija: nekotorye itogi i perspektivy // Nauchno-tehnicheskaja informacija. – Ser. 1. 1985. – № 3. – S. 1–8.
2. Baranov A. G. Problemy i perspektivy standartizacii jazyka tehniceskikh dokumentov // Filologicheskij sbornik: Mir i Jazyk. Vypusk 6. – Kemerovo : KemGU, 2005. – S. 31–37.
3. Berkov V. P. Dvujazychnaja leksikografija. – SPb. : Izd-vo SPU, 1996. – 248 s.
4. Bese B. de. Terminologija i standartizacija // Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy terminologii. – M. : Nauka, 1979. – S. 26–56.
5. Volkova I. N. Standartizacija nauchno-tehnicheskikh standartov. – M. : Izd-vo Standartov, 1984. – 200 s.

6. Voloshina I. S. Model' jelektronnogo perevodnogo slovarja-spravocnika estestvennonauchnyh omonimichnyh terminov: dis. ... kand. filol. nauk. – Tjumen', 2008. – 287 s.
7. Gerd A. S. Osnovy nauchno-tehnicheskij leksikografii. – L. : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. – 70 s.
8. Grin'ov-Grinevich S. V. Vvedenie v terminografiju. – M. : Knizhnyj dom «LIBRO-KOM», 2009. – C. 21.
9. Danilenko V. P. O standartizacii terminologii // Lingvisticheskij aspekt standartizacii terminologii. – M. : Nauka, 1993. – S. 34–40.
10. Dobrovol'skij D. O. Besedy o nemeckom slove. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. – 752 s.
11. Kantysheva N. G. Principy modelirovaniya mezhdisciplinarnykh terminosistem : monografija. – Tjumen' : Izdatel'stvo «ShUKLIN & ALEKSANDROV», 2013. – 184 s.
12. Komarova Z. I., Proshina A. A. Modelirovanie dvujazychnogo slovarja-tezaurusa po jekonomike : monografija. – Ekaterinburg : Forum-kniga, 2009 – 276 s.
13. Leksikograficheskie rakursy: tradicii i vyzovy XXI veka: materialy IX Mezhdunarodnoj shkoly-seminara, Ivanovo, 8-10 sentjabrja 2011 g. – Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2011. – 412 s.
14. Lingvisticheskoe modelirovanie: Kollektivnaja monografija. – Tjumen': Vektor Buk, 2009. – 186 s.
15. Marchuk Ju. N. Osnovy terminografii : metodicheskoe posobie – M. : CII MGU, 1992. – 75 s.
16. Nemchenko V. N. O ponjatii slovoobrazovatel'noj modeli // Leksika. Terminologija. Stili. – Gor'kij, 1973. –Vyp. 1. – S. 58–67.
17. Slovar' Mul'titran. URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe> (data obrashhenija: 27.09.2016).
18. Tabanakova V. D. Funkcional'naja variativnost' special'nogo perevodnogo slovarja // Leksika, leksikografija, terminologija v russkoj, amerikanskoj i drugih kul'turah. – Ivanovo : Izd-vo IvGU, 2005. – S. 275.
19. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse> (data obrashhenija: 27.09.2016).
20. Fizika. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. M. Prohorov. – 2-e izd. – Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. – M., 1998. – 944 s.
21. Arleta Adamska-Salaciak MEANING AND THE BILINGUAL DICTIONARY: Peter Lang. Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – 231 r.
22. Life beyond Dictionaries: materialy jubilejnoj X Mezhdunarodnoj shkoly-seminara, Ivanovo – Florencija, 12–14 sentjabrja 2013 g. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2013. – 430 s.

© Трифонова И. С., 2016.

THE AZERBAIJANI MODEL OF THE MULTICULTURALISM AND THE ROLE OF THE LITERARY THOUGHT IN ITS FORMATION

S. Guliyeva

*Doctoral Applicant
Azerbaijan State Pedagogical University
Baku, Azerbaijan*

Abstract. The cultural pluralism and its development in the modern period is perceived as one of the ways of salvation of the humanity. There is formed suitable conditions to secure the preventing of any type of social injustice, religious and ethnic discrimination in the multicultural society based on the liberal values such as the freedom, equality and friendship and the integration of various cultures, their coexistence in the environment of mutual respect and mutual enrichment that preserving the people's ethnic identity causes the formation of the future cultural unity of human kinds. The state and the people pursuing the multicultural policy, supporting the tolerance have to appreciate firstly its own national values and to achieve studying of the main features of the national identity to awaken the genetic memory of the nation. The historical roots, the features mastered in the various stages of the historical development, researching the different forms of the Azerbaijani model of multiculturalism, arousing interest all over the world presently and discussed vividly are amongst the actual matters.

Keywords: multiculturalism; tolerance; pluralism; culture; literature; literary relations.

Actuality of the topic. The analysis of the world outlook and the thought of the multiculturalism in the contemporary society, its history's literary and social roots are amongst the topical problems from the standpoint of dissemination of the tolerant feeling in times to come. Despite the "multiculturalism" is a relatively new concept, it has many rich traditions in the world' social and philosophical thought. You can see a touch and feeling of coexistence of the diverse cultures in the ancient literary texts. It is to be noted that in the Middle Ages,

the cultures were approaching one to other by expanding of a trade and literary-cultural relations in the global level. Especially, in the countries located on the ancient Silk Way, including in Azerbaijan the peaceful coexistence of various cultures and enriching based on their own sources changed into traditions. This tendency, turned into the people's way of life and passing on the daily welfare is penetrating in due course to its thought and thinking mode, as a result of which is embodied in the literature.

In the modern time, the cultural pluralism and its development level is perceived as one of ways of salvation of mankind. The respect to each citizen's rights and freedoms is estimated as a condition of stability and power of the concrete state by the democratic thought and scientists regardless of their ethnic, racial and religious diversity. The reason is that the state pursuing a policy based on the multicultural thought and tolerant outlook is not supported only by its own political elite and its own national stratum, but also by the ethnic and religious minorities having equal rights to develop in this society their culture, language, traditions, ethnic and religious values, to have schools in their mother tongue, to publish newspapers and magazines.

In the multicultural society referring to the liberal values, such as the freedom, equality and friendship, there is a fertile ground to prevent any kind of social injustice, religious and ethnic discrimination and to provide coexistence of various cultures in the environment of their integration, in parallel, mutual respect and mutual enrichment that protecting the ethnic identity of people creates a basis for the formation of humankind's future cultural union and cultural diversity, in short, the international cultural values. As the policy of multiculturalism is aiming at preventing of the ethnic minorities' assimilation secures the interests of the multinational states that characterizes the multiculturalism "as a positive appearance and the positive event securing the society's development as a result" [4].

In general terms, the multiculturalism is a positive social appearance. So, preventing the ethnic conflicts, strengthening the reliability of people and nations one to other create an abundant foundations for the society's development.

Layer of development of the subject. Despite the history of the multicultural traditions and the tolerant outlook is related closely to the distant past in the Azerbaijani literature, the targeted study of this phenomenon from the scientific standpoint has been started newly. More specifically, the announcement of 2016 as a year of multiculturalism by the President of Azerbaijan Republic was a direct reason for getting a wide scope of this activity. From this point of view, we can note the works prepared by Kamal Abdulla, Etibar Najafov, Roida Rzayeva, Rahman Salmanli and many other specialists. As to the problem related to the multicultural traditions in the Azerbaijani literature, its historical roots and development directions, they were not studied in detail and in this article we will do our best to research it.

Goal and task. The key goal of the research is to demonstrate the development profiles of this world outlook simultaneously with proving the fact that multiculturalism is a natural mode of living for the Azerbaijani people, related directly to its genealogy that was thoroughly reflected in the related poetic samples.

Methods. While research we have used the historical-comparative method. In connection with the research, we have profited the knowledge

achieved by the humanities, especially historical and literary studies.

If we have a look to the history of formation of the multicultural society in Azerbaijan, we can say that this progressive idea and tradition dates back to the depth of the history. There are interesting ideas in this connection: “The Jewish settlers obliged to leave the Judea kingdom plundered because of occupation of Jerusalem by Nabû-kudurri-usur II, the king of Babylon (in the year 586 BC) have taken refuge in the Azerbaijani lands. In the middle of the first century AD, the first followers of Christianity have found refuge in Azerbaijan and later laid the foundation for the Albanian autocephalous church. The religious tolerance traditions were strengthened with time by the advent of the Islam in Azerbaijan” [2].

The motley diversity in the multinational environment of Azerbaijan during the Middle Ages is increased. It was naturally related firstly to the fact of going forward of the trade (caravan trade) in this period. “In 12–14-th centuries Azerbaijan kept trade relations with China, India, Iraq, Egypt, Georgia, Dagestan, Russia and European countries” [1, p. 62]. It is to be noted that appearance of the trade relations in such a scope has created favorable conditions for increasing of interests of the foreign travelers and businessmen to our country, its nature and wealth, as well as its national culture and spiritual values, as a result of which, as in the field of trade and economy, there were formed the mutual relations in the literary and cultural field that in its turn meant the people’s and nations’ live communication. “The caravan

route connecting China with near East, Black Sea, Caspian Sea and Mediterranean Sea through the Central Asia was known from the ancient times under the name of the Silk Way. The importance of this route was not restricted only with the international trade. The Silk Way connecting Asia with the Europe has played a crucial role of the development in the political-diplomatic and cultural relations. And Azerbaijan was a bridge between the Orient and the West” [1, p. 64].

The memories and works written by the various Middle Ages’ travelers and historians contain many notes proving the fact of pleasant and friendly attitude demonstrated for the representatives of the various nations and people in Azerbaijan. The Venetian Marco Polo (13-th century), the Arab traveler Ibn Battuta (XIV), the German traveler and writer Schiltberger (XV), the Venetian traveler Kontarini (XV), the English merchant and traveler Jenkinson (16-th century), the Spanish traveler Klavicho (XV), the French monk Jordan Catalani de Severak (XIV), the Russian traveler Afanasi Nikitin (XV), the Italian traveler Odorik de Pordenon (XIV), the English traveler and merchant Cartwright (XVI), the French traveler Jean Batiste Tavernier (XVII), the Holland traveler Yan Streys (XVII), the German traveler Adam O’Leary (XVII), the French traveler Charden (XVII), Cempfer (XVII), the French traveler Tavernier (XVII), Corneli de Bruyin, the French traveler Dubois de Montero (XIX), the English traveler J. Hanvey (XVIII), the German traveler I. Lerx (XVIII), the Russian traveler, academician S. Gmelin (XVIII), Marcehal fon

Biberstein, the traveler Avril Philip, the traveler V. Dittel, the English traveler E. Bel and other travelers visited Azerbaijan within the various centuries, even the writers and poets in their works written later have dealt with the tolerant attitudes witnessed by them besides our country's history, economy, national character and traditions. All these facts prove once again that the multicultural attitude of the ordinary Azerbaijanis towards humankind belonging to the different nations and ethnic groups was a daily lifestyle. Even "the main aspect of akhi* (* akhi – means "my friend" in Arab language, one of the Sufi organization in Islam) concept spread out in Iran, Central Asia, Anatolia and in Azerbaijan during the early Middle Ages was the worship to the hospitality". The humanist ideas of akhism, its sincere inclination for assistance to the poor men and travelers was estimated highly in "Isgandername" by Nizami and in the notes of Ibn Batuta (14-th century), the Arab traveler and scientist [1, p. 60].

The academician Akif Alizade relates the formation of the stable multinational environment in our country perceived in the modern sense to the fact of increase of economic and strategic importance of Baku beginning from the 19-th century, especially to the flow of the workforce from Iran, Russia, even from Europe. The academician, analyzing this process from the mutual relations' standpoint writes: "...The reverse process of the flow of the workforces to Azerbaijan from the neighboring countries resulted in the acquaintance of our people with the

western culture. As a result, its scientific ideas were enriched with the European science's achievements. The synthesis of the cultures of the West and the Orient was manifested more in the further development of the national art... Unlike the attitude of the modern western world towards the migrants, our people has received the people in need in their natural conditions and created any favorable conditions to protect their religions, languages and cultures in the different environment. The praying houses built within the mentioned period in Baku, Ganja, Shamkir and Khachmaz and preserved by the state are obvious examples for this fact. All these facts prove that the common sense cannot be created artificially, the significance of any event has to be looking for in the mentality of the people" [3; 2].

As it seen, unlike many states, the multicultural society and the tolerant morality was not established forcibly based on the official decrees and against the will of the people. Quite contrary, this process has been taken place in the opposite direction and namely nourishing of the people's lifestyle, mentality and its spiritual qualities, reached the today's highest level and supported by the state thinking of the comprehensive development and the future of the nation. "This rare experience accumulated by our nation within the history has created favorable conditions for Heydar Aliyev, our national leader to accept the tolerance and the multiculturalism as the state strategy of Azerbaijan obtained its independency in the end of the 20-th century and this policy is carrying out

with great success by Ilham Aliyev, the president declaring 2016 as a year of multiculturalism” [3; 1].

The Azerbaijani model of the multiculturalism. One of the multiculturalism models rousing interest all over the world for many disputable aspects is its Azerbaijani model. If we take into account the historical way passed by our people possessing the ancient and the rich past, even under the conditions of the most complicated social-cultural changes taken place on these lands, we don't observe any problems arisen with the nations speaking the different language and possessing different cultures by the local people. Turning over the pages of our history, we are witness of the fact that the genetics of the Azerbaijani people don't contain any ugly intentions as malice and intent; it has taken the people in its arms, which were turned traitor against our lands and culture at one time.

The state and the people pursuing the policy of multiculturalism and supporting the tolerance have firstly to estimate its own national values and strive for study and propaganda of its identity and the main qualities. The reason is that we has to take care of preserving of the balance and on the other hand if we fail to study profoundly our culture looking for the ways to contact with other cultures under the rapid globalization conditions, having intention to be in dialogue with the different cultures and to propagandize its achievements all over the world, we cannot participate as an active side in the mutual enrichment process. It is not by chance that the core motive of the majority of the

Azerbaijani literary examples created within the last years, especially during the independence were consisted mainly of the specific aspects of the national identity, propaganda of ideas aiming at awakening of national consciousness and other issues.

The multicultural policy has firstly to achieve the improvement and democratization of the available environment and to secure the creation of the conditions favorable for the cultural pluralism and the free mutual relations. To achieve this goal, each individual has possess the high level of the internal culture, this tolerant mood and morality have to rest on the steady traditions, the existent social and cultural environment has to be formed and shaped in the spirit of understanding the different cultures and religions and to reach the stabilized tendency level that in case of implementation by the state could find support amongst the people and not to meet with the opposite attitude. To our mind, it is one of the reasons of the undeniable victory of the Azerbaijani model of multiculturalism in this period. Securing any favorable conditions for the representatives of the religious and national minority, the citizens of Azerbaijan entering the third millennium as a sovereign state not being isolated from their environment to study, propagandize and develop all values of their own cultures are amongst the features to be demonstrated as examples for the world.

“Despite the establishment of various models of multiculturalism, differing from one another by different nuances, arisen as an alternative policy to suppress the protest of the society

against the cultural diversity” [4], they have common and leading aspects connecting them all together. The undeniable fact is that the multicultural values and ideas achieve successes only in a society, in which the state has interests for and support them systematically. In this sense, the Azerbaijani society and the independent Azerbaijani state may be taken as an example for the world.

Each culture in the Azerbaijani society preserving its personal dignity and its own values is outside the atmosphere of conflict with other cultures and carries out its activity under mutual relations with them.

In general, taking into account the broad social views, the multiculturalism securing the many-coloredness for the life of the society means the acquaintance with the different cultures, avoiding the isolation, striving for dialogue, as a final result, making efforts for living in peace of all mankind.

One of the characteristic features of the multiculturalism’s Azerbaijani model is that it was perceived as a lifestyle before entering this term in the social environment as a term. If we express this idea by the words of Mr. Ilham Aliyev, our President, “The multicultural traditions, a new word in our lexicon existed in our life within the centuries. It was named in other terms, but its essence was not changed” [3; 1]. Therefore, the decree of the head of our state “on declaring 2016 as a year of multiculturalism” as a decent response to the complicated event arisen all over the world and the confrontations driven and prompted intentionally on a religious, racial and

ethnic background or unintentionally (as a form of manifestation of ignorance and chauvinism) was met by the people with great satisfaction and sympathy and supported thoroughly.

One of the features of the Azerbaijani model of multiculturalism is that it is rested namely upon the principles of Azerbaijani ideology based on the tolerant values. The leading European states faced presently with the wave of immigrants, “melting” the minorities in the common “pot of culture” referring to the liberal democratic principles assimilate them; but, the young Azerbaijani state choosing a different path in this process, approving its more civil and democratic political course in the practical activity has proved its faithfulness to the tolerant morality even under more complicated situations for all over the world. One of the most specific features of the Azerbaijani model of multiculturalism is that it rests upon the Azerbaijani ideology principles, the main idea of the Azerbaijani state. Today, each Azerbaijani citizen understands that “the aforementioned Azerbaijani ideology is not geographical, but a political definition” [5, p. 69].

The Azerbaijani people, obliged to be faced with various social problems occurred as a result of giving a particular preference to the Turkic ideology or other religious and Islamic tendencies within the different historical periods and tortured with the negative consequences hereof (especially, violation of national integration) has chosen today the way of Azerbaijani ideology together its integral parts as Turkism, Islam, modernity and nation-

al diversity, not giving special preference to any one of these parts and accepting all them in unity for the sake of national interests. The main provisions of the modern Azerbaijani ideology are as follows:

The cultural diversity – the Azerbaijani society accepts the national and cultural diversity as a cultural richness, and the Azerbaijani state is interesting in development and preserving of this diversity in the country. Therefore supports it comprehensively. Certainly, despite the preserving of the national identity is one of the very important issues in the modern globalization circumstances, the emergence of extreme cases in this field creates danger for the cultures of various minorities, as a result of which we lost the traditions, the cultures with poor traditions remain beyond the development process or sometimes disappear completely. Therefore, understanding the value and importance of the cultural diversity and cooperation with the people all over the world, which is the fertile conditions for the mutual enrichment process has to be a first step to be undertaken in this way.

The quality of tolerance, as it was mentioned above is that Azerbaijani – our country was a unique space for peaceful living of the peoples possessing the different identity and religious belief within the centuries. There are independent national, cultural and religious relations in our country resting upon the mutual confidence and respect since ancient times. Today we are witnesses of the high support given by the state to the tolerant attitude. The President Ilham Aliyev meets regularly with the representatives and leaders

of the religious communities and is interesting in their needs and problems. Namely as a result of the policy pursued by the state in this direction, the quality of patience for the intra-religions relations is manifested highly in today's Azerbaijani society.

The Azerbaijani ideology's preferential aspects include the principles to give great importance to the dialogue between the cultures in resolution of territorial conflicts, to improve the mutual understanding and cooperation between the representatives of the various people and cultures.

The artistic thought has special role in shaping of the Azerbaijani ideology in the Azerbaijani society. The Azerbaijani literature, as a treasure of wisdom and knowledge was standing in the position of humanity for all ages, has been a promoter of humanism, justice and herald of ideas of unity.

Certainly, the reason of such a wide scope of the multicultural ideas in the Azerbaijani society and its perception very easily was the tolerant world outlook and progressive views, which was its very distinguishing feature taking root in the nation's genetic memory. The Azerbaijani people besides estimating its values highly, has always treated the other people's cultural and religious samples with due respect and has given preference to live in the conditions of the mutual understanding within all periods of the history. It means that the multiculturalism appearing presently as a priority political course of the Azerbaijani state is a form of expression of thinking mode having profound traces in the people's mentality.

And the most obvious evidence of all these facts is the literary and artistic heritage of our people dripping out of the depth of ages. The tolerant frame of mind and the multicultural world view appeared and contained in the literary samples in very different forms being turned really into our people's ethical qualities were transferred to the present generation together with the values being indices of our national identity. The humanist ideas formed and shaped in the classical literature are extended today by the modern masters of literature and is one of the political directions of our independent state. The tolerant views reflected and taken deep roots in the works such as the "Book of Dada Gorgud", appeared regularly in the works of Nizami Ganjavi, Imadaddin Nassimi, Shah Ismatyil Khatai, Mahammad Fuzuli, Molla Panah Vagif, Abbasgulu Agha Bakikhanov, Mirza Shafi Vazeh, Mirza Fatali Akhundzade, Ashig Alasgar, Mirza Alakbar Sabir, Jalil Mammadguluzade, Nariman Narimanov, Abbas Sahhat, Huseyn Javid, Jafar Jabbarli, Samad Vurgun, Suleyman Rustam, Rasul Rza and other poets with the most colorful shades are extended with success by the creative activity of our modern writers – Anar, Elchin, Ramiz Rovshan, Agil Abbas, Mustafa Chamanli, Elchin Huseynbayli and other writers and poets.

Conclusion. As each country takes care of protection of its energy, economic and national security, it has to secure its multicultural security as well. The common essence of the multicultural security includes the protec-

tion of the cultural values of all people not depending their ethnic, religious, racial and cultural belonging. "Establishing the mechanism of equal sharing of the political attitude towards the various confessions inside the country, the state care aimed at protection of the national diversity in the country, providing a support for all people and ethnic groups living in the country to protect their cultural values is the main principle of the multiculturalism" [3; 4] and the modern Azerbaijani state and the society have chosen them as the priority issue in their activity.

The application of the multicultural mode of Azerbaijan all over the world would give good results for establishing the peace and the public quiet.

Bibliography

1. The History of Azerbaijan, in seven volumes, volume 3 (the 13–18-th centuries). – Baku, "Elm", 2007. 592 pages + 56 pages of illustration.
2. Tolerance in Azerbaijan. <http://ar.az/node/188&V0bGZTWLTMx>.
3. Alizade A. Exact ideological target // Elm. – April 01. – 2016. – pp. 1–4.
4. Najafov E. The Comparative analysis of the policy of multiculturalism in the various countries. // Multiculturalism: achievements and problems. <http://bakuforum.az/az/multiculturalism>
5. Shamsizade N. The Azerbaijani ideology is an ideology of the world Azerbaijanis // The Azerbaijani Diaspora: collection of e-materials. The President Library of the Administration of Common matters under the President of Azerbaijan Republic. – Baku, 2005. – 732 p. – Pp. 69–73.

© Guliyeva S., 2016.

КОНЦЕПЦИЯ ДОМА В РОМАНЕ А.КАРТЕР «ЛЮБОВЬ»

Г. В. Егиазарян

*Кандидат филологических наук, доцент
Ереванский государственный
университет языков и социальных наук
имени В. Я. Брюсова
г. Ереван, Армения*

THE CONCEPT OF HOME IN *LOVE* BY A.CARTER

G. V. Yeghiazaryan

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Yerevan Brusov State University
of Languages and Social Sciences
Yerevan, Armenia*

Abstract. The article analyses the concept of home in the novel *Love* by a well-known British writer Angela Carter. The author of the article describes different types of dwellings, such as private house, apartment, as well as the transformation stages of conditions of these dwellings, their connection with streets, towns and world in general. In the novel house is considered to be a developing concept and extends vertically from the past to the future, in contrast to the conception of apartment which is flat. The article mainly dwells on the analysis of the residences belonging to Lee Collins, because despite all his weaknesses this protagonist character in the novel embodies though a weak but a sincere man with human feelings. The conclusion of the article proves that a private house better corresponds to the idea of a protected home.

Keywords: home; house; apartment; transformation; past; present; future.

В нашей статье мы попытаемся проследить трансформацию концепции дома в романе «Любовь» (*Love*), а также оппозиции дома и улицы, дома и природы, дома и мира. Первый вариант романа Анжелы Картер «Любовь» вышел в свет в 1971 году, но в 1987 он был переработан и вновь опубликован. Действие в произведении происходит в 1969 году. В Европе этот год характеризуется расцветом движения хиппи, студенческими и антивоенными выступлениями.

Основными полюсами произведения являются трое главных героев, которые в постапокалиптическом мире нового образца воплощают собой *норму* (то, что повреждено, но смогло сохраниться), которая воплощена в образе Ли, *патологию* (то, что разрушилось, и лежит в руинах) проявляющаяся в образе Базза и *невоплощенное* в результате Апокалипсиса, фантом возможной реальности (Аннабель). Роман повествует о сложных семейных взаимоотношениях двух братьев и одной женщины. Все они принадле-

жат поколению детей, рожденных сразу после Второй мировой войны. Их родители в той или иной мере были травмированы. Данная проблема на страницах романа не обсуждается, но подразумевается, потому что отношения с родителями для всех героев романа носят противоречивый характер, а сами представители старшего поколения либо глубоко больны, либо безразличны как к себе, так и к своим детям. Молодые люди унаследовали от них глубочайшее ощущение беспомощности перед жестоким миром, но глубина травмы у них разная и зависит от возраста. Чем ближе детство героя даже не к самой второй Мировой войне, а к атомному взрыву Хиросимы и Нагасаки, тем глубже печать обреченности.

Роман называется «Любовь», по объёму он достаточно компактный, и на первый взгляд кажется, что произведение может представлять собой любовный роман из серии, например, «Увлекательный досуг», который издаётся миллионными тиражами по всему миру в достаточно плохих переводах. Но на самом деле роман «Любовь» посвящён исследованию отчаянного одиночества, болезненной привязанности, извращённого чувства собственности, которое принимается за любовь в обществе, где нарушены базовые отношения между людьми в результате мировых войн, революций, социальной несправедливости. К тому же любовный треугольник разворачивается в сложную многоуровневую фигуру со множеством углов и неожиданных связей.

Страшное, готическое настроение вводится в произведение с первого же абзаца: «Однажды Аннабель увидела в небе сразу солнце и луну. От этого зрелища ей стало так жутко, что ужас поглотил ее полностью и не отпускал до тех пор, пока ночь не завершилась катастрофой, – ведь инстинкта самосохранения у Аннабель не было, когда перед нею вставали двусмысленности» [2]. Этот абзац можно считать также авторской аннотацией романа, потому что «Любовь» – описание мучительного самоуничтожения главной героини в результате невозможности обретения ею «чувства реальности».

Линейность повествования периодически нарушается воспоминаниями старшего из братьев, Ли, о детстве, сошедшей с ума матери и тетке-коммунистке, которая воспитала его с братом. Отцы у братьев разные, и этот факт объясняет некоторую обособленность братьев друг от друга, их психологическую изолированность, при глубоком чувстве привязанности: «Ли был юным пахарем, Базз – ночной птичкой; Ли был сентиментален, Базз – злонамерен; чувственность Ли уравновешивалась только извращённостью Базза, но они держались вместе, потому что остались одни в целом мире, с которым, как оба чувствовали, они были на ножах. <...> Безумие матери, сиротство, теткина политика и их собственное произвольное самоопределение сформировали в обоих какую-то яростную отстранённость, ибо именно отстранённость они считали необходимой для того, что-

бы сохранять свою зыбкую независимость» [2]. А. Картер подчеркивает факт воспитания мальчиков в женской неполной семье, где обе родительницы, родная и приемная, травмированы социально и психологически. Завершается роман авторским послесловием в классическом духе британской викторианской литературы, когда автор раскрывает завесу тайны над будущим своих героев, вкратце рассказывает об их удачах и неудачах, радостях и печалях.

В первую очередь, нам хотелось бы высказать некоторые размышления о разнице между домом и квартирой. В своем исследовании «Дом от погреба до чердака. Смысл жилища» Г. Башляр [1, 8–10] рассматривает символическое значение любого обитаемого пространства с точки зрения понятия «дом» и утверждает, что частный дом, с подвалом, жилыми комнатами и чердаком или мансардой, больше вписывается в парадигму круговорота времени с его прошлым, настоящим и будущим, или является более природным образованием, подобно дереву. Трехчастное строение дома исследователь вписывает также в психологическую структуру личности. В то время как городская квартира разворачивается как пространство, лишенное последовательного вертикального развития, воплощает восприятие жизни как мига, проживания «здесь и сейчас».

В романе автор последовательно описывает три дома, где живет Ли, а также, по меньшей мере, три местожительства его любовниц. Все эти дома и квартиры важны для ха-

рактеристики психологического состояния героя, его самооценки и социального статуса.

Интересно отметить, что хозяином, главой дома во всех описанных случаях является Ли, потому что только у него сохраняется потребность в общении, в ощущении связи с другими людьми даже во время глубочайшей депрессии. Он находит внутреннюю энергию не бросать работу, заботиться об умирающей тёте, будучи еще подростком, потом об Аннабель и брате, хотя понимает, что ни помощи, ни сочувствия ждать ему неоткуда.

В послесловии к роману любовь Ли проявляется безропотным выполнением рутинных обязанностей. Женатый во второй раз, он укачивает и успокаивает проснувшуюся грудную дочь, в то время как жена обсуждает их недавнюю ссору по телефону и не хочет заниматься малышкой, а обе старшие дочери с подростковым высокомерием обсуждают «человеческие недостатки своих родителей» [2].

Через призму воспоминаний Ли читатель знакомится с домом его тети: маленьким, низеньким, забитом пожелтевшими коммунистическими брошюрами. Когда герой вспоминает дом своего детства, у читателя возникает ощущение спуска, движения вниз, некоторого иррационального страха зацепиться головой за притолоку. Ощущение это складывается из-за описания улицы, на которой они жили, в частности, из-за уровня подоконников, почему дома кажутся несколько утопленными в землю: «Теперь все труднее найти такие улочки, хо-

тя прежде они существовали в огромных количествах во всех крупных городах: тихие и аккуратные, стенка к стенке, домики мастеровых, где солнечные лучи причудливо и мило освещают потрескавшуюся брусчатку и закопченный кирпич, <...> На низеньких подоконниках можно заметить то остывающий пирог, то застывающее желе; а вот спит кошка; сами же окна прикрыты грубыми кружевными занавесками или являют напоказ пыльные безжизненные растения в зеленых глазированных горшках и гипсовых восточноевропейских овчарок, хотя время от времени удаётся заглянуть в эти крохотные бурые гостиные, где на стенах мигает пламя камина, – казалось, зимой эти комнаты сулят все тепло на свете» [2]. А. Картер отмечает, что улицу вскоре снесли, таким образом, дом детства и по-домашнему уютная улица детства уходят в прошлое, на дно воспоминаний.

Основное действие романа происходит в небольшой двухкомнатной квартирке, которую снимает Ли. До знакомства Ли с Аннабель и возвращения Базза из Африки квартира кажется огромной, наполненной светом и холодным воздухом, чистой и сдержано-радостной от предвкушения будущих необычных переживаний. Это спартанская квартира молодого мужчины, который сам следит за порядком и поэтому обходится минимумом вещей. Окна обычно открыты, что символизирует открытость Ли миру и жизни. «В то время комната его всегда была необычайно чиста – белая,

как палатка, – и так же легко, как палатку, ее было убирать; но то не была аскетическая нагота» [2]. Особенно теплым и чистым в квартире описывается пол.

Легкость и незамутненность жилища Ли соотносится с его реалистичным, насмешливым взглядом на жизнь, его длительными отношениями со взрослой женщиной, скучающей женой университетского преподавателя, и с трезво-циничной оценкой подобной связи. Автор в описаниях данного периода жизни героя совершенно не упоминает пыль. Даже улица кажется недавно вымытой. Таким образом, свобода и независимость героя выражаются в чистоте его жилища и окружающего мира.

А. Картер достаточно лаконично описывает сцену знакомства Ли с будущей женой, всего в одном абзаце: «новогодним утром он проснулся на чужом полу и обнаружил у себя в объятиях незнакомую девушку. Она открыла глаза, и какой-то голод, какое-то отчаяние в ее узком лице поразили Ли прямо в нежное сердце. Комната наполнилась тьмой, тишиной и стоялым воздухом. <...> Он забрал ее домой и накормил завтраком» [2].

Аннабель начинает знакомство с квартирой с росписи стен, на них появляются фантазмагоричные деревья, цветы и животные, странные портреты. После замужества она постепенно заполняет пространство вещами, так, что вскоре в ней становится невозможным свободно двигаться. Половицы в квартире приобретают эпитеты «жесткие» и

«холодные», что контрастирует с теплым полом. На окнах появляются шторы, и слепящий свет уступает место отдельным лучам, в которых начинают свой бесконечный танец частички пыли. Затем она забьет все окна сплошными непрозрачными щитами, и квартира погрузится во тьму: «теперь эта комната задыхалась от вещей, покрылась жирными темными красками и наполнилась таким густым угрюмым мраком, что, переступая порог, приходилось набирать в грудь побольше воздуха, точно собираясь нырнуть в другой воздух, более плотный» [2]. Комната же Базза изначально напоминает склад потерянных вещей, а темнота ее носит якобы практичный характер – герой увлекается фотографией, и ему необходимо проявлять пленки. Затем Аннабель захватит и вторую комнату. Кроме других признаков, ухудшение психологического состояния героев произведения можно проследить по увеличению и уплотнению слоя пыли в квартире.

В тексте романа внешний мир проявляется в основном тоже в закрытых помещениях: в школе, квартирах любовниц Ли, в притонах, где Базз иногда балуется наркотиками, в барах, танцполах. Лишь в самом начале романа дается описание ночного полузаброшенного готического сада возле кладбища, которое никак не может вызвать чувства защищенности.

В послесловии к роману, написанном в конце 80-х, А. Картер подробно не описывает новый дом Ли.

Писательница упоминает лишь, что «Ли сейчас живет на улице-двойнике той, на которой вырос; тетке его жена бы понравилась» [2]. Она подчеркивает, что, несмотря на частые ссоры с женой, герой счастлив в семейной жизни. Он готовит для всей семьи почти каждый день и не изменяет своей Розе, даже когда у него есть возможность. Ли способен теперь на безудержную ярость, только если что-нибудь грозит их дочерям. Но ссорятся супруги на первом этаже, малышка плачет на втором, а девочки слушают музыку в мансарде.

Таким образом, временная парадигма дома открывается к будущему, а сострадательная и деятельная любовь главного героя находит себе применение в заботе о близких.

Библиографический список

1. Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос № 3(34). 2002. – С. 3–26.
2. Картер А. Любовь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=13329> (дата обращения: 25.09.2016).

Bibliograficheskiy spisok

1. Bashljar G. Dom ot pogreba do cherdaka. Smysl zhilishha // Logos № 3(34). 2002. – S. 3–26.
2. Karter A. Ljubov'. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=13329> (data obrashhenija: 25.09.2016).

© Егуазарян Г. В., 2016.

METHODS OF TEACHING OF PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 8:811.111

ПРИЕМЫ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

О. Н. Вершинина
М. Н. Кравченко

*Учителя
Средняя общеобразовательная
школа № 7
г. Мариинск
Кемеровская область, Россия*

METHODS USED DURING READING TEXTS AT THE LESSONS OF ENGLISH

O. N. Vershinina
M. N. Kravchenko

*Teachers
Secondary State School № 7
Mariinsk, Kemerovo region, Russia*

Abstract. Students will pass the third compulsory exam in the future so learning foreign languages is very important nowadays. English lessons should be well organized because every lesson must prepare students to be ready to pass State Exam. Moreover, Federal state educational standard promotes to teach in a new way. Students should develop four skills (listening, speaking, reading and writing.) This article is devoted to reading skills. Reading skills play an important role not only in the State Exam but in the Russian National Exam too. These tasks help to teachers to organize students to work with texts. There are three compulsory methods used during reading texts: before, while and after reading. There are some examples below.

Keywords: English lesson; reading; texts; methods of reading.

При построении урока чтения используется *технология продуктивного чтения*, в основе которой лежит активная самостоятельная деятельность ученика на каждом этапе урока, полное вовлечение его в учебный процесс. Данная технология включает в себя 3 этапа работы с текстом: Работа с текстом до

чтения, во время чтения и после чтения текста.

Примеры работы с текстом.
УМК “Spotlight 5” Ю.Е. Ваулина
стр. 37 текст “Amazing Spidey”
by Ann Smith

1. Работа с текстом до чтения
- Do you like watching cartoons or fantasy films? What are your favourite ones? Name your favorite cartoon or

film characters. Why do you like them?

- Look at the picture and the title of the text. What is the text about? (дети делают предположение)

- Read the four names below. Who are these people? (Aunt Mary, Mary Jane, Peter Parker, the Green Goblin)

- Look at the underlined words in the text. Explain these words.

2. Работа с текстом во время чтения

- Listen and read. (Ребята прослушивают аудиозапись текста и следят за диктором.)

- Read the text once more. Take your pencils and find the answers on the questions:

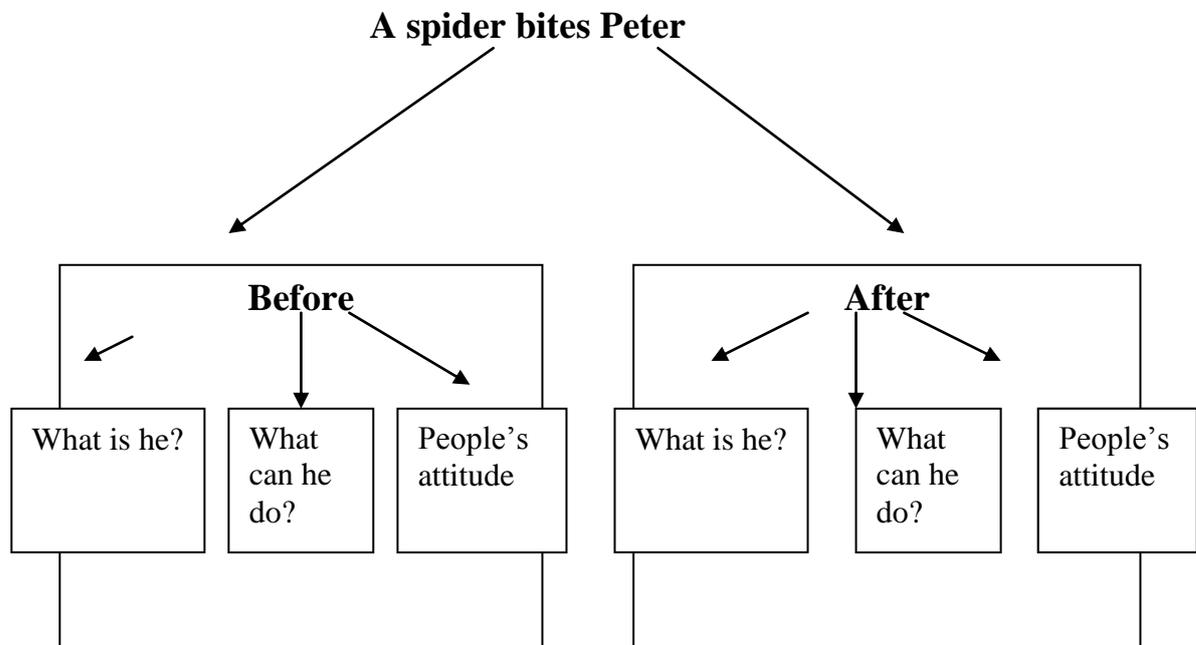
- Where's Spider-Man from?

- Who is his best friend?

- What can Spider-Man do?

- Who is against him?

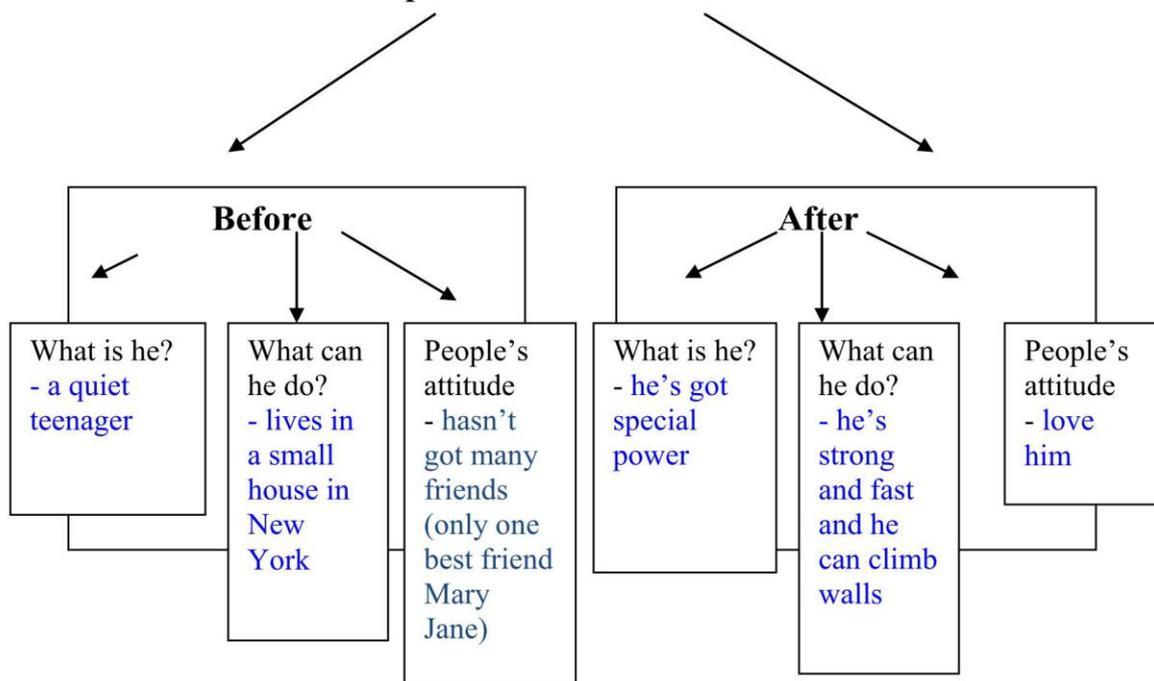
- Find the information to complete...

3. Работа с текстом после чтения

Use this information and present the story to the class.

Пример заполненной схемы
A spider bites Peter

УМК "Spotlight 5" Ю.Е. Ваулина стр. 66-67 текст "Animals of India"

1. Работа с текстом до чтения

Let's think about words related to animals and make a cluster.

Read the title of the text. Our topic today is about animals, but what animals exactly?

Let's look thorough this pictures to the text and try to guess.

It's related to Indian animals. What do you know about Indian animals? Give me some words. Дети составляют ассоциативный ряд.

Indian Animals

Nice	Strong
Dangerous	Swim
Big and tall	Climb
Has brown and black stripes	Hide
Beautiful	
Funny	
Hunt animals	

Now I want you to begin the table KWL about animals of India. What do you know? Use the pictures in your

student's book and write 3 facts you know. What do you want to know? Make 3 questions.

KWL Animals Of India		
I know	I want to know	I learnt
1. A Bengal tiger hunts big animals.	1. More about their life	1 It is a national animal of India. It hides in tall grass and hunts big animals like deer.
2 . Indian elephants are big animals.	2 What do an elephant need the trunk for?	2 They are very big and tall 2-3 metres. Usually a big female is the head of a family elephants. Indian people use elephants to carry heavy things with their trunks.
3 The rhino has a horn.	3 About their habits and life.	3 The Indian rhino has only one horn. African rhinos have two ones. It lives alone and sit in water or mud. There are about 2500 Indian rhinos today.

1. Работа с текстом во время чтения

Listen to the text. (учащиеся слушают текст и следят за диктором.)

Now read the text.

Complete the table KWL

2. Работа после чтения.

Далее работа в группах для создания проекта. Проекты могут быть в виде листовки или постера.

Учащиеся разделяются на группы. Выбирают животного из текста, которого они хотели бы описать. Каждый член группы имеет свое задание. Можно использовать дополнительную информацию.

После чего идет презентация проектов.

© Вершинина О. Н.,
Кравченко М. Н., 2016.

**ОБУЧЕНИЕ КОНСПЕКТИРОВАНИЮ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА
С УЧЁТОМ ВЗАИМОСВЯЗИ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(на материале профессионально ориентированного
учебно-научного текста «Языкознание и его роль в жизни человека»)**

Н. А. Вострякова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный
технический университет,
г. Волгоград, Россия*

**TRAINING NOTES PRINTED TEXT TAKING INTO ACCOUNT
THE INTERRELATIONS KINDS OF SPEECH ACTIVITY
(based on professionally oriented educational and scientific text
“Linguistics and its role in human life”)**

N. A. Vostriakova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia*

Abstract. The article emphasizes the need to create additional teaching materials for teaching foreign students preparatory faculty notes professionally oriented educational and scientific texts printed in Russian. The author proposes the development of their lesson in scientific style of speech for foreign students-philologists of the first certification level training. At lesson center – educational and scientific text “Linguistics and its role in human life”, which is accompanied by a set of tasks. Performing these tasks allow students to adequately comprehend the text, begin to form notes skills and to develop their language skills in all kinds of speech activity.

Keywords: Russian as a Foreign Language; educational and scientific text professionally oriented; printed text; notes; foreign philology students; first certification level.

Обучение иностранных студентов конспектированию на русском языке профессионально ориентированных учебно-научных печатных текстов – одна из важных задач подготовительного факультета [2, с. 9]. Однако во многих учебниках по научному стилю речи (НСР) отсутствуют задания, развивающие это умение. Это порождает необходимость создания к ним дополнительных методических материалов

для учащихся разных профилей обучения.

Ниже предлагаем разработанное нами занятие по РКИ, позволяющее начать работу по формированию навыков конспектирования печатного текста. Оно ориентировано на студентов *филологического профиля 1 сертификационного уровня*, рассчитано на два академических часа и может быть проведено как обобща-

ющее по НСР в конце второго семестра довузовского этапа обучения.

В центре занятия – учебно-научный текст «Языкознание и его роль в жизни человека» (объёмом в 484 слова), который сопровождается комплексом заданий. По своему лексическому и грамматическому содержанию он согласован с программой 1 сертификационного уровня [4], лексическим минимумом общего владения [3] и лексическим минимумом гуманитарного профиля [4, с. 122–129] этого же уровня.

В то же время, как и большинство учебно-научных текстов, данный текст включает в себя *незнакомые слова* (5 %) и насыщен *терминами* (39 единиц). И хотя большинство из этих терминов (24 единицы) закреплено в программе подготовительного факультета [4, с. 91–92; 3, с. 196–199], обилие лингвистической терминологии может затруднить осмысление текста иностранцами. Как известно, содержание учебников по НСР филологического профиля вариативно, а успех рецепции зависит от уровня коммуникативной компетенции конкретных студентов. Поэтому для того чтобы облегчить введение рассматриваемого текста в учебный процесс, мы сопроводили его *предтекстовыми заданиями*.

Притекстовые задания в занятии предполагают прослушивание учащимися текста (который читает преподаватель) и последующее его самостоятельное прочтение. Это предупреждает вероятные ошибки иностранцев в чтении текста, разви-

вает их аудитивные навыки и важно в связи с дальнейшей необходимостью обучать их конспектированию лекций. *Послетекстовые задания* помогают студентам осмыслить логическую структуру текста, трансформировать его в конспект и пересказать.

Таким образом, разработанное нами занятие по обучению конспектированию на русском языке печатного учебно-научного текста предполагает разностороннюю работу с ним, учитывающую взаимосвязь всех видов речевой деятельности. Это позволяет продемонстрировать иностранным учащимся все речевые аспекты изучаемого текста, добиться максимального его усвоения и запоминания и развивает их речевые навыки во всех видах речевой деятельности.

Занятие было дважды успешно апробировано нами на довузовском этапе обучения в интернациональных группах филологического профиля.

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. Ско́лько языко́в в совре-
ме́нном ми́ре?

2. Латинский язы́к – это живо́й
или ме́ртвый язы́к? Почему́?

живо́й – ме́ртвый

3. Каких учёных-лингвистов вы
знаёте? Что они́ откры́ли? [1]

4. Эсперáнто – это ис-
ку́ственный язы́к, кото́рый со́здал в
1887 [ты́сяча восемьсо́т восемьдесят
се́дьмо́м] году́, по́льский врач
Лю́двик Заменго́ф (1859–1917). В
этом язы́ке 16 прави́л грамма́тики,
из кото́рых нет исклю́чений, и
то́лько 2 падежа́. Как вы дума́ете, с

какой целью Людвик Заменгоф создал эсперанто?

искусственный – естественный

5. Каких языков в мире больше – естественных или искусственных?

6. Когда русские люди говорят **как в аптеке**? Что это значит? Что такое фразеологизм?

7. В этой статье о компьютерах журналист нам **открыл Америку**.

Как вы думаете, это интересная статья или нет? Почему родился фразеологизм **открыть Америку** в русском языке?

8. Какая наука изучает языки? У неё есть другое название?

Задание 2. Найдите среди следующих слов разделы (части) языкознания, запишите их. Что они изучают?

Предложение, графика, часть речи, живой язык, синтаксис, фразеология, слог, морфология, структура, лексикология, фонетика, словообразование, значение слова, лексикография, интонация.

Задание 3. Прочитайте предложения, постарайтесь понять значение выделенных слов.

1. Графика изучает алфавит, буквы и другие способы письма (**знаки препинания**, цифры, математические знаки и т. д.).

Знаки препинания = точка, запятая, тире, вопросительный знак и т. д.

2. «Живой язык», «узнать о мире», «жить хорошо» – это **словосочетания**.

Словосочетание = два или три слова, которые связаны между собой по смыслу и грамматически.

3. Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно **полки** за собой повести.

Полк = большая группа военных людей, часть армии, в которой работает от 900 [девятисот] до 2000 [двух тысяч] человек.

Задание 4. Определите, какими частями речи являются следующие слова. Используйте слова для справок.

Девятнадцать, но, много, алло, цифра, старославянский, не, влиять, никакой, никто, животное, ли, иногда, каждый, спасибо, что-то, появляться, без, учёный, или, древний, для, три тысячи, все, ах.

Слова для справок: существительное, местоимение, прилагательное, числительное, глагол, наречие, предлог, союз, частица, междометие.

Задание 5. Образуйте положительную степень сравнения от следующих прилагательных. Чем отличается её значение?

Образец: полёзнее ← полёзный

красивее ← ...

интереснее ← ...

лёгче ← ...

лучше ← ...

Задание 6. *Слушайте текст, ответьте на вопросы:*

1. Когда языкознание стало самостоятельной наукой?

2. Что изучает языкознание?

3. Какова роль языкознания в жизни людей?

Языкознание и его роль в жизни человека

Языкознание (или *лингвистика*) – это наука, которая изучает *языки*.

В современном мире больше 3000 [трёх тысяч] языков, на которых каждый день говорят люди: английский, китайский, арабский, вьетнамский и другие. Это *живые, естественные* языки. В них появляются новые слова, на них пишут книги.

Есть также *мёртвые* языки, на которых сейчас никто не говорит (например, латинский и старославянский). Их используют в определённых ситуациях (например, в науке).

Существуют и *искусственные* языки, которые создали учёные (например, эсперанто и интерлингва). Их главная задача – сделать легче изучение иностранных языков и международные контакты и уменьшить число международных конфликтов.

Языкознание изучает все эти языки, сравнивает, чем они похожи и чем различаются.

Из чего состоит язык? Может ли человек думать без языка? Есть ли язык у животных? На каких языках говорили древние люди? Как сделать современные языки лучше,

красивее? Какими будут языки в будущем? На эти и другие вопросы даёт ответы языкознание.

Люди начали изучать языкознание давно, но знания о языке сначала были частью других наук – философии, психологии, логики, литературы и истории.

В Древней Индии, Древней Греции и в Древнем Риме люди уже изучали грамматику. В Древнем Китае составляли первые словари. Людям нужно было научиться писать, научиться изучать иностранные языки, научиться объяснять что-то другим людям. Все эти проблемы им помогало решать языкознание.

В начале XIX [девятнадцатого] века учёные разных стран (*Расмус Раск* (1787–1832), *Франц Бопп* (1791–1867), *Якоб Гримм* (1785–1863), *А.Х. Востоков* (1781–1864) и другие) смогли много узнать о языках и их истории. Они поняли, что языкознание – это большая самостоятельная наука, у которой есть свои, особые задачи. Языкознание стало активно изучать все языки мира, их структуру, развитие и роль в жизни людей.

Современное языкознание делится на части, или *разделы*. Основные разделы – это фонетика, графика, лексикология, фразеология, лексикография, словообразование, морфология и синтаксис.

Фонетика – это раздел языкознания, который изучает звуки, слоги, ударение и интонацию.

Графика изучает алфавит, буквы и другие способы письма (знаки препинания, цифры, математические знаки и т. д.).

Лексикология изучает все слова языка и их значения.

Фразеология изучает несвободные словосочетания, фразеологизмы (например, как в аптеке, открыть Америку).

Лексикография изучает словари.

Словообразование изучает части слова и способы образования новых слов.

Морфология изучает слово как часть речи. В русском языке, например, 10 частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица и междометие. У каждой части речи есть свои грамматические признаки: род, число, падеж, время и т. д.

Синтаксис изучает словосочетание и предложение.

Иногда может показаться, что языкознание – это очень скучная наука. Но без языка человек не может хорошо жить. Если человек не знает никакого языка, он не может ничего сказать другому человеку. Не может ничего узнать о мире, в котором живёт, не может научиться читать и писать.

Языкознание учит человека понимать других людей, влиять на них и правильно использовать язык. Очень хорошо об этом сказал русский поэт Вадим Сергеевич Шефнер (1914–2002):

*Словом можно убить, словом
можно спасти,*

*Словом можно полки за собой
повести.*

(стихотворение «Слова»).

Поэтому языкознание – очень полезная для человека наука, которая делает его жизнь лучше и интереснее.

Задание 7. Прочитайте текст из задания 6 и допишите его план.

План.

1. Определение языкознания.
2. Виды языков, которые изучает языкознание:
 - а) живые, естественные языки;
 - б) ... ;
 - в)
3. Развитие языкознания до XIX века.
4. Формирование языкознания как самостоятельной науки.
5. Разделы языкознания:
 - а) фонетика;
 - б) графика;
 - в) ... ;
 - г) ... ;
 - д) ... ;
 - е) ... ;
 - ё) ... ;
 - ж)
6. Роль языкознания в жизни человека.

Задание 8. Прочитайте текст «Языкознание и его роль в жизни человека» ещё раз и продолжите его конспект, опираясь на план из задания 7. В конспекте должна быть главная информация текста. Важные слова выделяйте другим цветом.

-
-
1. Определе́ние языкознáния.
 2. Виды языко́в, кото́рые изучáет языкознáние:
 - а) живы́е, естéственные языки́;

Языкознáние (лингвистика) – это наука, кото́рая изучáет языки́.

В совре́нном ми́ре бо́льше 3000 языко́в, на кото́рых гово́рят лю́ди. Э́то *живы́е, естéственные языки́*. В них появля́ются но́вые слова́, на них пи́шут кни́ги.

Дома́шнее задáние. Расска́жите текст «Языкознáние и его роль в жизни человека́», опира́ясь на ваш конспект.

Библиографический список

1. Вострякова Н. А. Жизнь для науки (о судьбах русских лингвистов в первой половине XX века) : учеб. пособие. – Волгоград, 2015. – 120 с.
2. Государственный образовательный стандарт по РКИ. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Н. П. Андрияшина и др. – М.–Спб., 2000. – 56 с.
3. Лексический минимум по РКИ. Первый сертификационный уровень. Общее владение / отв. ред. Н. П. Андрияшина. – М.–Спб., 2000. – 200 с.
4. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный

уровень / З. И. Есина и др. – М., 2001. – 134 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vostrjakova N. A. Zhizn' dlja nauki (o sud'bah russkih lingvistov v pervoj polovine XX veka) : ucheb. posobie. – Volgograd, 2015. – 120 s.
2. Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart po RKI. Professional'nye moduli. Pervyj uroven'. Vtoroj uroven' / N. P. Andrijushina i dr. – M.–Spb., 2000. – 56 s.
3. Leksicheskiy minimum po RKI. Pervyj sertifikacionnyj uroven'. Obshhee vladenie / otv. red. N. P. Andrijushina. – M.–Spb., 2000. – 200 s.
4. Obrazovatel'naja programma po russkomu jazyku kak inostrannomu. Jelementarnyj uroven'. Bazovyj uroven'. Pervyj sertifikacionnyj uroven' / Z. I. Esina i dr. – M., 2001. – 134 s.

© *Вострякова Н. А., 2016.*

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016–2017 ГОДАХ**

Дата	Название
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2017 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2017 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2017 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2017 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2017 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2017 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2017 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2017 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2017 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2017 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2017 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2017 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2017 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
13–14 марта 2017 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2017 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2017 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2017 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2017 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы

15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,22, • Research Bible за 2015 г. – 0,781, • РИНЦ за 2014 г. – 0,312.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Other options will be considered on an individual basis.

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

Vědecký a praktický časopis

№ 4, 2016

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Irina S. Karabulatova**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 24.11.2016. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 6,65.
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz